

Содержание

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель

Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор

О. А. Шабаева, канд. юрид. наук (г. Иркутск)

Ответственный редактор

О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный секретарь

Е. Д. Давыдова (г. Иркутск)

Редакционный совет:

Н. Н. Далбаева, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (г. Иркутск)
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Т. Л. Курас, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: 8(3952) 52-19-00; факс: 8(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:

664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: 8(3952) 52-11-90; факс: 8(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis.law.review@gmail.com
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.*

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых ком-
муникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2023

Варваровский М. Д.

Проблемы толкования регламентации уголовной ответственности
за создание вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) 2

Гаврилова А. О.

Приемная семья как форма семейного воспитания детей, оставшихся
без попечения родителей: проблемы и подходы к их разрешению 5

Ефимкина А. В.

Перспективы развития онлайн-медиации в сфере
электронной коммерции 11

Галичкина В. И.

К вопросу о криминологической характеристике дорожно-транспортной
преступности 15

Калабина Е. А.

Проблемы толкования объективных признаков состава преступления,
предусмотренного ст. 106 УК РФ 18

Камардина П. М.

Право на иск в гражданском и арбитражном процессе, административном
судопроизводстве 21

Катышевцев И. К.

Административный иск: проблемы формы и содержания 25

Кравцова Е. Р.

Сравнительно-правовой анализ положения беженцев и мигрантов
в России и Западной Европе 28

Морозова А. И.

Правовые основы защиты национальных языков Российской Федерации 33

Эпштейн Л. Р.

О некоторых вопросах реализации контрольно-надзорных полномочий
Федеральной антимонопольной службы 38

Проблемы толкования регламентации уголовной ответственности за создание вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ)

© Варваровский М. Д., 2023

М. Д. Варваровский

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: nice.varvarovskiy@gmail.com

Научный руководитель:

А. Л. Репецкая, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: repetsk@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются ключевые проблемы толкования ст. 273 УК РФ. Исследуются различные подходы к пониманию момента окончания создания вредоносных компьютерных программ или иной компьютерной информации. Выявляются спорные аспекты уголовной ответственности за создание вредоносной компьютерной программы или иной компьютерной информации.

Ключевые слова: компьютерная информация, вредоносная компьютерная программа, фрагмент кода.

Принятое 15 декабря 2022 г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (далее – постановление) [1] было призвано решить проблемы квалификации компьютерных преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 272, 273, 274, 274.1, 274.2 УК РФ. Указанные статьи формируют целую главу под названием «Преступления в сфере компьютерной информации».

Верховный Суд РФ конкретизировал важные аспекты уголовной ответственности за совершение компьютерных преступлений, но при этом оставил без внимания весьма спорные стороны некоторых составов компьютерных преступлений.

Ранее частной проблемой применения ст. 273 УК РФ выступал вопрос об определении момента окончания создания вредоносной программы [2].

Согласно точке зрения Генпрокуратуры РФ, лицо, осуществлявшее написание кода вредоносной программы на компьютерном устройстве, подлежало уголовной ответственности за создание вредоносной программы [3]. При этом Генпрокуратура РФ особенно выделяет создание вредоносной программы на бумажном носителе. Таким образом, понятие «создание вредоносной программы» получает расширительное толкование через признак «написание кода». Данный правоприменительный подход с точки зрения науки уголовного права вызывает очень много вопросов.

К примеру, если рассмотреть объективную сторону ст. 272 УК РФ, то возможность осуществления неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации посредством

использования бумажных носителей в качестве средств ее копирования представляется вполне реальной, поскольку предмет ст. 272 УК РФ составляет не просто компьютерная информация, а информация, охраняемая законом. В данном случае аналогия ст. 273 со ст. 272 УК РФ просто недопустима, так как компьютерная информация, охраняемая законом, и компьютерная информация, имеющая вредоносные свойства, несопоставимы, хотя и имеют общую среду функционирования.

А. А. Энгельгард обратил внимание на проблему определения момента создания вредоносной компьютерной программы и отразил в своей работе два основных подхода в рамках науки уголовного права к определению этого момента [4, с. 1317]. Согласно одному из них создание программы заключается в написании самостоятельного кода или во внесении изменений в уже существующий. В последнем случае результатом должно стать повышение ее эффективности или расширение перечня негативных функций. Создание вредоносной компьютерной информации заключается в разработке соответствующих данных и придании им формы электрических сигналов.

Второй подход строился на том, что создание программы представляет собой комплекс операций, состоящий из подготовки исходных данных, предназначенных для управления конкретными компонентами системы обработки данных в целях уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации.

Получается, что в контексте указанных подходов по-разному трактуется момент окончания создания вредоносной программы. В одном случае подготовка исходных данных оценивается как уже оконченное преступление, в другом случае – как покушение на совершение преступления, т. е. не является окончанным преступлением.

Таким образом, одно и то же совершенное действие характеризуется по-разному, при этом если вспомнить положения Общей части уголовного закона, касающиеся оконченных и неоконченных преступлений, то можно прийти к выводу о том, что степень общественной опасности действия также сильно зависит от принятого правоприменителем теоретического подхода. Данные обстоятельства указывают на необходимость точного толкования момента окончания создания вредоносной компьютерной программы.

Один из указанных подходов должен быть общепризнанным, поскольку разница между оконченным преступлением и покушением на него слишком велика. Положения уголовного закона, посвященные назначению наказания за совершение неоконченных преступлений, указывают на то, что за совершение покушения на создание вредоносной компьютерной программы срок и размер уголовного наказания не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наказания, предусмотренного ст. 273 УК РФ.

Сейчас же Верховный Суд РФ рекомендует определять момент окончания создания по факту наличия части кода вредоносной программы, который в будущем может образоваться в саму вредоносную программу при доведении деяния до конца [1].

Так, в постановлении отмечается, что «для квалификации действий лица по ч. 1 ст. 273 УК РФ как оконченного преступления достаточно установить создание части (фрагмента) кода вредоносной компьютерной программы, позволяющего осуществить неправомерный доступ к компьютерной информации». Тут стоит отметить двойственный характер формулировки: в данном случае не понятно – уже существующий фрагмент кода опасен для информационной безопасности или только законченный код представляет такую опасность.

Необходимо обратить внимание, что Верховный Суд РФ выделяет в постановлении понятие «фрагмент кода», которое используется для определения момента создания вредоносной компьютерной информации. Если предположить, что ключевым признаком, характеризующим понятие «фрагмент кода», является выраженная опасность такой компьютерной информации по отношению к другим информационным системам, то как оценивать наличие фрагмента кода, который еще не имеет вредоносных свойств и не представляет угрозы для информационной системы?

Очевидно, что указанные замечания просто ломают логику положений, изложенных в Постановлении Верховного Суда РФ. Однако важно подчеркнуть, что Верховный Суд РФ отграничил понятия «компьютерная программа» и «иная

компьютерная информация», что является довольно позитивным шагом, способствующим совершенствованию понимания уголовного закона, поскольку ранее многие ученые высказывались о проблеме разграничения таких понятий [4].

Так, М. А. Ефремова отмечала, что «законодатель не раскрывает содержания понятия “иная компьютерная информация”. Она не является самостоятельной компьютерной программой, но взаимодействуя с таковыми, может обладать вредоносными свойствами. Представляется, что под таковой следует понимать базы данных, файлы с командами и т. д.» [5, с. 345].

Получается, что Верховный Суд РФ принял позицию, согласно которой наличие исходных данных уже говорит об окончании создания вредоносной компьютерной программы, что является обвинительным уклоном для правоприменительной практики.

При этом Верховный Суд РФ не конкретизировал свою позицию по поводу вопроса создания вредоносной программы на бумажном носителе, что делает возможным совмещение позиций Генпрокуратуры РФ и Верховного Суда РФ. Это означает, что лицо, осуществляющее фиксирование на бумажном носителе фрагмента кода, подлежит уголовной ответственности за окончание создания вредоносной компьютерной информации, хотя по факту на бумажном носителе отсутствует полный текст кода такой информации, более того, на компьютерном устройстве данный код объективно еще не существует.

Верховный Суд РФ внес разграничение в предмет ст. 273 УК РФ, что позволяет лучше уяснить конструктивные особенности объективной стороны указанного состава. Однако есть и спорные вопросы, касающиеся конкретизации уголовной ответственности лица, участвующего в создании фрагмента кода программы. Что делать с фрагментом кода, который по факту не представляет реальной опасности для компьютерной информации, но в дальнейшем будет закончен переводом во вредоносную компьютерную программу? Является ли оконченным преступлением написание вредоносного кода программы на бумажном носителе? К сожалению, Постановление Верховного Суда РФ не уточняет эти моменты, что является упущением.

Если рассмотреть перечисленные обстоятельства с позиции норм Общей части уголовного закона, то обнаруживается, что у правоприменителя существует два возможных решения указанных вопросов.

Во-первых, если лицо, осуществляющее создание вредоносного кода, в силу независящих от него обстоятельств не успевает завершить вредоносную программу и иную компьютерную ин-

формацию, то оно подлежит уголовной ответственности за покушение на создание вредоносной программы или иной компьютерной информации по ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Во-вторых, если лицо, осуществляющее создание вредоносной программы, в силу независящих от него обстоятельств не успевает завершить ее создание, то данный субъект будет подлежать уголовной ответственности, поскольку указанные действия образуют оконченный состав по ст. 273 УК РФ.

А. Ю. Решетников, Е. А. Русскевич отмечают, что подход, согласно которому такое деяние квалифицируется как оконченное преступление, в данном случае не может быть реализован, потому что написание кода на естественном языке, а не на языке программирования является только этапом создания программы. В силу этого обстоя-

тельства, по мнению авторов, указанные действия следует признать покушением на создание вредоносной компьютерной программы [6].

Анализ санкции ст. 273 УК РФ позволил прийти к выводу, что самое суровое наказание, предусмотренное ч. 3 ст. 273, составляет семь лет лишения свободы, что выделяет это деяние как тяжкое преступление на основании ч. 3, 4 ст. 15 УК РФ. Части 1 и 2 ст. 273 УК РФ предусматривают ответственность за преступления средней тяжести, т. е. наказание, установленное за совершение таких преступлений, не может превышать пяти лет лишения свободы.

Возникает практическая необходимость конкретизировать некоторые проблемные аспекты ст. 273 УК РФ по вопросам момента окончания создания вредоносной программы и иной компьютерной информации.

Список литературы

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 37 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации: методический материал Генпрокуратуры РФ от 30 мая 2014 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70542118/#review>
4. Энгельгардт А. А. Уголовно-правовая оценка создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (информации) // Lex Russica = Русский закон. 2014. Т. 96, № 11. С. 1316–1325.
5. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 427 с.
6. Решетников А. Ю., Русскевич Е. А. Некоторые вопросы квалификации неоконченных преступлений в сфере компьютерной информации // Уголовное право. 2018. № 2. С. 86–95.

Приемная семья как форма семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей: проблемы и подходы к их разрешению

© Гаврилова А. О., 2023

А. О. Гаврилова

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: nastya12051990@icloud.com

Научный руководитель:

О. М. Толстикова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: olga_den@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности правового регулирования отношений, возникающих в условиях приемной семьи. Изучается объем прав и обязанностей субъектов данных правоотношений. Анализируются семейное законодательство и иные акты, содержащие нормы семейного права, регулирующие отношения между членами приемной семьи.

Ключевые слова: приемная семья, приемные родители, приемные дети, создание приемной семьи, договор о приемной семье.

В Иркутской области, как и в стране в целом, количество детей, лишенных родительского попечения, несмотря на устойчивую тенденцию к сокращению, остается достаточно большим. На начало 2022 г. общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Иркутской области составила 14 688, а детей, находящихся на воспитании в семьях граждан, – 12 116. Для сохранения этого обнадеживающего тренда к сокращению количества детей-сирот в Иркутской области выработан и утвержден План мероприятий по профилактике социального сиротства на 2022–2025 годы [1]. Однако, как показывает практика, приемная семья нередко сталкивается с серьезными правовыми проблемами, которые требуют незамедлительного решения.

В целях настоящего исследования в первую очередь, на наш взгляд, необходимо рассмотреть правовой статус такого субъекта означенного вида правоотношений, как приемная семья.

Исходя из определения, данного в ч. 1 ст. 152 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2], приемная семья представляет собой вид «возмездной опеки или попечительства». Другим субъектом правоотношений по договору о приемной семье является орган опеки и попечительства как орган исполнительной власти.

В соответствии с Федеральным законом «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» региональный и федеральный операторы ведут банки данных: о детях, оставшихся без попечения родителей, и о гражданах, желающих принять детей в семью на воспитание [3]. Информационные ресурсы о детях, оставшихся без попечения родителей, сфор-

мированные региональным и федеральным банком данных, образуют государственный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

После внесения необходимых сведений и постановки на учет в банке данных (далее – банк данных) граждане, которые хотят принять на воспитание в семью ребенка, получают доступ к информации о детях, оставшихся без попечения родителей. Гражданин в своей анкете указывает данные ребенка, его индивидуальные особенности (имя, пол, возраст, внешность – цвет глаз, цвет волос), а также, исходя из особенностей семьи, граждане могут отметить в анкете этническое происхождение ребенка, которого желали бы принять в семью.

Все сведения о гражданах, изъявивших желание стать приемными родителями, содержатся в информационной системе государственного банка данных о детях и доступны всем органам опеки и попечительства либо региональным операторам. Гражданин письменно обращается в орган опеки и попечительства с заявлением о желании стать приемным родителем. Орган опеки и попечительства в течение 10 дней с момента подачи заявления гражданина, пожелавшего стать приемным родителем, выносит решение о назначении данного гражданина приемным родителем.

После вынесения соответствующих актов орган опеки и попечительства и гражданин, изъявивший желание стать приемным родителем, заключают договор о приемной семье. Основанием для заключения данного договора являются заявление гражданина и акт органа опеки и попечительства о назначении гражданина приемным родителем. Данный вопрос урегулирован в соответствии со ст. 153.1 СК РФ и Правилами заклю-

чения договора об осуществлении опеки или попечительства в отношении несовершеннолетнего подопечного, утвержденными Постановлением Правительства РФ № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» (далее – Постановление Правительства РФ № 423) [4]. Типовая форма договора о приемной семье содержится в приложении № 4 Письма Министерства образования и науки РФ «О применении законодательства по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних» [5].

Под содержанием любого договора понимается совокупность всех условий, по которым достигнуто соглашение между сторонами договора.

Субъектами отношений по устройству детей на воспитание в приемную семью, как уже отмечено выше, выступают органы опеки и попечительства и приемные родители. По общему правилу к приемным родителям предъявляются требования, предусмотренные ст. 146 СК РФ, касающиеся возраста, состояния здоровья и личностных качеств. Кроме того, лица, желающие стать приемными родителями, должны пройти соответствующую подготовку. Не могут быть назначены в качестве приемных родителей лица, лишенные родительских прав, недееспособные, имеющие или имевшие судимость, и др.

Стоит отметить, что приемные дети не являются стороной договора. Они выступают третьими лицами, поскольку действия по заключению договора о приемной семье представляют собой действия, совершаемые в пользу детей, т. е. третьих лиц.

В Постановлении Правительства № 423 установлено следующее ограничение: количество детей в приемной семье, включая родных и усыновленных, не должно превышать, как правило, восьми. Однако это правило носит рекомендательный характер, т. е. окончательное решение по количеству приемных детей, устроенных в приемную семью, принимают органы опеки и попечительства. Данное ограничение направлено на создание в приемной семье таких условий для приемных детей, которые были бы максимально приближены к семейным.

Следуя ст. 57 СК РФ, законодатель закрепил в ст. 154 СК РФ положение о праве ребенка выражать свое мнение при передаче его в приемную семью. Ребенок (дети), достигший возраста 10 лет, может быть передан в приемную семью только с его согласия.

В соответствии со ст. 153.1 СК РФ договор о приемной семье должен содержать сведения о ребенке, передаваемом в приемную семью (имя, возраст, состояние здоровья, физическое и умственное развитие), условия содержания, воспитания и образования ребенка, описание прав

и обязанностей приемных родителей. В случае возникших разногласий между сторонами договора по письменному предложению приемного родителя орган опеки и попечительства в течение 6 дней со дня получения предложения принимает меры по согласованию условий договора либо в письменной форме отказывает в его заключении.

Законодательством предусмотрен широкий круг прав и обязанностей приемных родителей, они совпадают с теми, которые имеют родители в отношении собственных детей. Вопросы по воспитанию детей законными представителями решаются самостоятельно, но в случае разногласий приемные родители, в силу того что они действуют на основании договора, заключенного с органом опеки и попечительства, могут обратиться в этот орган.

Надлежащее выполнение приемными родителями обязанностей по воспитанию ребенка предполагает постоянное их совместное проживание. Приемные дети проживают в жилом помещении вместе с приемными родителями, в свою очередь приемные родители обязаны поставить приемных детей на регистрационный учет по месту жительства.

Нередко возникают проблемы, связанные с регистрацией приемных детей либо по месту регистрации приемных родителей, либо по месту фактического жительства, так как у самих приемных родителей очень часто не совпадает место их регистрации с фактическим местом жительства. В ряде регионов, например в г. Москве, приемным родителям отказывают в регистрации их подопечных по месту жительства, мотивируя это тем, что в силу постоянной регистрации в жилом помещении опекуна у подопечного возникает право пользования этим жилым помещением, что приведет к невозможности постановки на учет этого подопечного в качестве нуждающегося в предоставлении жилого помещения в соответствии со статусом ребенка-сироты или ребенка, лишенного попечения родителей. Поскольку отношения носят срочный характер и, как правило, срок проживания предусмотрен договором, речь идет об оформлении приемным детям временной регистрации. В таком случае у приемных родителей не должно возникать никаких проблем с постановкой приемных детей на учет, так как правовым основанием проживания приемного ребенка является договор о приемной семье. Представляется, что вопрос регистрации детей по месту нахождения приемных родителей однозначно должен быть прописан в самом договоре.

Также требует рассмотрения достаточная серьезная проблема для приемных семей – проблема оплаты коммунальных услуг. В приемную

семью попадают дети, которые остались без родительского попечения в результате лишения их родителей родительских прав или в результате ограничения родителей родительских прав. Соответственно, лишая родителей родительских прав и ограничивая в родительских правах, суд выносит решение о взыскании с них алиментов, которые чаще всего они не платят. Исходя из аналогии закона, если ребенок находится в приемной семье и на него полагаются алименты, то приемные родители открывают на его имя счет: 50 % от размера алиментов идет на этот счет, а другие 50 % могут расходоваться на удовлетворение его потребностей, в том числе и на оплату коммунальных услуг по месту его жительства. Однако, как должен решаться вопрос оплаты коммунальных услуг в случае непоступления алиментов, законодатель не разъяснил.

Как было сказано выше, контроль за исполнением приемными родителями своих обязанностей возлагается на органы опеки и попечительства в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 423. В доктрине существует точка зрения, что орган опеки и попечительства следует привлекать к солидарной ответственности при причинении вреда имуществу, жизни и здоровью приемных детей, находящихся под опекой у приемных родителей. Основанием привлечения к солидарной ответственности органов опеки и попечительства будет являться ненадлежащее осуществление ими контроля над исполнением приемными родителями своих обязанностей в том случае, если этим органам не удастся доказать, что вред наступил не по их вине [6, с. 4]. Мы не поддерживаем данную позицию и считаем нецелесообразным привлечение органа опеки и попечительства к солидарной ответственности. На наш взгляд, следует предусмотреть привлечение определенных должностных лиц к данному виду ответственности, а также урегулировать вопрос о том, каким образом будет осуществляться материальное взыскание. Привлекая должностных лиц к ответственности, следует исходить из ст. 1069 ГК РФ, согласно которой ответственность за вред, причиненный должностными лицами, наступает в результате незаконных действий (бездействия), т. е. когда должностные лица органа опеки и попечительства осуществляют ненадлежащий контроль за приемными родителями. По нашему мнению, возникает спорная ситуация, потому что на практике необходимо будет установить причинно-следственную связь между бездействием должностных лиц, выразившемся в ненадлежащем контроле за приемными родителями, и наступлением негативных последствий.

Поскольку приемная семья – это временная форма устройства детей, оставшихся без попече-

ния родителей, договор о приемной семье должен отражать срок своего действия. Если в договоре срок не определен (многие называют его бессрочным), договор действует до исполнения ребенку восемнадцати лет (если ребенок приобрел полную дееспособность ранее возраста совершеннолетия – до его вступления в брак или эмансипации).

С определенным сроком исполнения, как правило, заключаются договоры при передаче ребенка с хроническим заболеванием, ребенка-инвалида. Например, законом Иркутской области регулируются отношения по организации и осуществлению постинтернатного сопровождения отдельных категорий граждан, т. е. сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей, вплоть до достижения ими 23 лет [7].

В договоре о приемной семье может быть предусмотрен испытательный срок для приемных родителей. Как правило, он устанавливается, если приемные родители этот статус получили впервые, т. е. впервые взяли в семью на воспитание ребенка, либо если предыдущий договор о приемной семье был расторгнут в результате, например, того, что приемный ребенок не мог найти контакта с приемными родителями.

По нашему мнению, в этом случае следует предусмотреть испытательный срок в 6 месяцев. Соответственно, возложить на орган опеки и попечительства обязанность по контролю за исполнением обязанностей приемными родителями.

Приемной семье в России предоставляются различного рода меры социальной поддержки. Благодаря комплексу мер поддержки, реализуемых государством, дети, которые живут в приемных семьях, пользуются определенным преимуществом (например, при устройстве в летние лагеря, на санаторно-курортное лечение и т. д.). Поскольку вопрос, связанный с устройством детей, оставшихся без попечения родителей, относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, и Российская Федерация, и субъекты Российской Федерации принимают соответствующие программы, которые направлены на социальную поддержку приемных семей.

В частности, на содержание каждого ребенка приемной семье выплачиваются денежные средства за счет соответствующих бюджетов. При этом финансирование производится на основании договора органами опеки и попечительства. Выплата денежного вознаграждения приемным родителям, размер денежных средств на содержание каждого ребенка, а также меры социальной поддержки, предоставляемые приемной семье в зависимости от количества принятых на воспитание детей, определяются договором о приемной семье в соответствии с законами субъектов Рос-

сийской Федерации. Приемные родители (родитель) обязаны использовать денежные средства по указанному в договоре целевому назначению в рамках осуществления своих прав и обязанностей.

Законом Иркутской области «Об отдельных вопросах осуществления деятельности по опеке и попечительству в Иркутской области» [8] предусмотрено ежемесячное вознаграждение приемным родителям на воспитание каждого принятого в семью ребенка в размере 3787,08 руб. Размер вознаграждения приемным родителям увеличивается на 25 % за каждого принятого на воспитание в приемную семью ребенка, который не достиг трехлетнего возраста, ребенка с ограниченными возможностями здоровья либо ребенка-инвалида. Приемные родители имеют право на единовременное пособие при приеме ребенка на воспитание в семью в размере 8000 руб. (пособие ежегодно индексируется, в 2022 г. базовый размер составляет 20 472,77 руб., также начисляются районный коэффициент и процентные надбавки).

Следует признать, что на практике развитие института приемной семьи затруднено, ввиду того что в региональных бюджетах ограничены финансовые ресурсы для оплаты труда приемных родителей. В целях обеспечения исключительно целевого использования финансовых средств, выделяемых на содержание приемного ребенка, было бы целесообразно ведение специально утвержденной финансовой документации, фиксирующей характер и размер затрат на приемного ребенка в семье.

При иных обстоятельствах в договор о приемной семье могут быть внесены соответствующие дополнения и изменения, которые устанавливали бы, какие действия приемный родитель совершать не вправе (например, запрет изменять место жительства ребенка), или обязанности по учету индивидуальных особенностей личности подопечного, определяли бы конкретные условия воспитания несовершеннолетнего подопечного [9]. Таким образом, несмотря на обусловленность содержания правоотношений в приемной семье, предусмотренных нормами правовых актов, объем прав и обязанностей формируется и договором о приемной семье, в котором устанавливается индивидуально-определенная модель поведения.

В соответствии со ст. 153.2 СК РФ договор о приемной семье может прекратиться по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, а также в связи с прекращением опеки или попечительства.

Основаниями прекращения договора являются: истечение срока акта о назначении опекуном, односторонний отказ приемных родителей

от выполнения своих обязанностей по воспитанию ребенка, возврат ребенка и завершение опеки по причинам, не зависящим от сторон, а также иные случаи прекращения соглашения сторон согласно нормам гражданского законодательства. Договор о приемной семье может быть признан недействительным по основанию признания сделки недействительной.

Договор может быть расторгнут досрочно по инициативе приемных родителей при наличии следующих уважительных причин: в случае значительного ухудшения здоровья одного из родителей; сложной жизненной ситуации, влияющей на семейное или имущественное положение; отсутствия взаимопонимания с приемным ребенком; невозможности обеспечения условий для проживания ребенка и др. Перечень оснований для досрочного расторжения договора, инициируемого приемными родителями, является открытым. В то время как перечень оснований для расторжения договора по инициативе органа опеки и попечительства является закрытым в соответствии со ст. 29 ФЗ «Об опеке и попечительстве». По иным основаниям прекращение договора не допускается. К основаниям для досрочного расторжения договора о приемной семье относятся обстоятельства неблагоприятных условий для содержания, воспитания и образования приемного ребенка (детей), в случае возвращения приемного ребенка (детей) кровным родителям или усыновления, а также в иных случаях, установленных законодательством Российской Федерации и субъекта Российской Федерации.

Можно сделать вывод, что расторжение договора о приемной семье чаще всего происходит в административном порядке, а не в судебном. В связи с этим судебных решений о досрочном расторжении договоров о приемной семье по инициативе одной из сторон очень мало.

Например, управление органа опеки и попечительства досрочно прекратило договорные отношения с приемным родителем. Основанием для досрочного расторжения договора явилось ненадлежащее исполнение приемным родителем своих обязанностей по защите прав и законных интересов подопечных детей. Гражданка К. лишена ежемесячных вознаграждений за воспитание детей. В рамках организации работы с приемной семьей К. управлением были выявлены и подтверждены факты недолжного исполнения ею своих обязанностей. Ненадлежащее исполнение выразилось в нарушении условий проживания детей, ряде нарушений требований пожарной безопасности, которые создают угрозу жизни и здоровью подопечных. Приемным родителем не был представлен в установленный срок отчет о состоянии расчетных счетов детей, принятых в

семью, а также приемному родителю было объявлено предупреждение за ненадлежащее осуществление защиты имущественных прав приемных детей. Приемный родитель К. не получает вознаграждения за работу приемного родителя, так как выявлены и подтверждены факты недолжного исполнения ею своих обязанностей по защите прав и законных интересов подопечных детей. При этом выплаты на содержание детей производятся в полном объеме.

На основании выявленных нарушений принято решение о досрочном расторжении договора о приемной семье [10].

В соответствии с п. 3 ст. 153.2 СК РФ, если основанием для расторжения договора о приемной семье послужило существенное нарушение договора одной из сторон по ее вине, другая сторона вправе требовать возмещения убытков, причиненных расторжением этого договора. Исходя из того что как такового понятия существенного нарушения договора о приемной семье не закреплено, в данном случае целесообразно обратиться к нормам ст. 450 ГК РФ, где содержится понятие существенного нарушения договора, и ст. 15 ГК РФ в части содержания понятия убытков, но с учетом особенностей правоотношений, возникающих из договора о приемной семье [11].

По решению органа опеки и попечительства прекращение договора о приемной семье осуществляется в административном порядке, а при возникновении спора – в судебном. Договор о приемной семье может быть расторгнут и по инициативе ребенка. На наш взгляд, целесообразно все-таки не заключать типовые формы договора о приемной семье. Следует индивидуализировать договор о приемной семье применительно к каждому ребенку, каждому приемному родителю, с учетом особенностей ребенка, с учетом особенностей приемного родителя, места проживания приемного родителя. Ввиду того что на сегодняшний день существует бланкетная форма, которую используют приемные семьи для заключения договора, считаем, что договоры о приемной семье должны быть индивидуализированы относительно субъектного состава.

Главной особенностью договора является его содержание, а именно существенные условия договора, неисполнение которых влечет признание его незаключенным. Исходя из самого договора, возникают разные правоотношения, которые содержат в себе признаки семейно-правового, гражданско-правового, административно-правового и трудового договора.

Что касается предмета договора о приемной семье, закрепленного типовой формой в приложении № 4 Письма Министерства образования и науки РФ, то напрашивается вывод о некорректности формулировки предмета договора. В типовой форме договора предмет определен следующим образом: приемные родители обязуются принять на воспитание в свою семью приемного ребенка, а орган опеки и попечительства обязуется передать приемного ребенка на воспитание в приемную семью. Получается, что предметом договора является передача ребенка органом опеки и попечительства на воспитание в приемную семью, т. е. ребенок в данном случае является объектом, что нарушает существенность условий договора. Необходимо определять предмет договора через оказание услуги приемными родителями по воспитанию, развитию ребенка. Данная позиция основана на положениях, высказанных рядом авторов, согласно которым договор о приемной семье по своей правовой конструкции является договором возмездного оказания услуг. По договору о приемной семье исполнитель (услугодатель – приемные родители или родитель) обязуется по заданию заказчика (органа опеки и попечительства) оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность в интересах приемного ребенка), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

В пользу этого говорит и то, что договор о приемной семье содержит главный признак – его возмездный характер, т. е. приемным родителям оплачивается их труд, а также предоставляются льготы и гарантии, что позволяет отнести договор к конструкции договора возмездного оказания услуг.

Список литературы

1. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2022 год. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/8cf2e493bcd6bf43ba790f5b5d1170f1/> (дата обращения: 27.03.2023).
2. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ [в ред. от 2 июля 2021 г.] // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей : федер. закон от 16 апр. 2001 г. № 44-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 17. Ст. 1643.
4. Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан : постановление Правительства РФ от 18 мая 2009 г. № 423 // Собр. законодательства РФ. 2009. № 21. Ст. 2572.
5. О применении законодательства по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних : письмо Минобрнауки РФ от 31 авг. 2010 г. № 06-364 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

6. Седова М. А. Проблемы правового регулирования отношений в приемной семье // Новый университет. Сер. Экономика и право. 2011. №3 (3). С. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-v-priemnoy-semie-1> (дата обращения: 27.03.2023).
7. О постинтернатном сопровождении в Иркутской области : закон Иркутской области от 29 апр. 2021 г. № 35-ОЗ // Областная. 2021. № 52.
8. Об отдельных вопросах осуществления деятельности по опеке и попечительству в Иркутской области : закон Иркутской области от 7 дек. 2009 г. № 92/58-оз // Областная. 2009. № 144 (569).
9. Об опеке и попечительстве : федер. закон от 24 апр. 2004 г. № 48-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2004. № 17. Ст. 1755.
10. Решение № 2-2644/2019 2-2644/2019~М-2470/2019 М-2470/2019 от 6 нояб. 2019 г. по делу № 2-2644/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fl96srR9s3X/> (дата обращения: 27.07.2023).
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Перспективы развития онлайн-медиации в сфере электронной коммерции

© Ефимкина А. В., 2023

А. В. Ефимкина

Студентка 4-го курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: efimkina_116@mail.ru

Научный руководитель:

Р. И. Хасаншин, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: khasanshin.ramil@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности процедуры онлайн-медиации в сфере электронной коммерции, оценивается эффективность данного способа разрешения конфликта. Исследуются преимущества и недостатки применения онлайн-платформ для медиативных процедур, предлагаются пути устранения последних. Анализируется опыт зарубежных стран и возможность его использования в России. Делается вывод о состоянии медиативной процедуры с использованием цифровых технологий в настоящее время и тенденциях ее развития в Российской Федерации.

Ключевые слова: медиативная процедура, онлайн-медиация, электронная коммерция, цифровые технологии, альтернативный способ разрешения споров, медиация.

В современном обществе многие возникающие правоотношения, различные процессы происходят в онлайн-режиме, тем самым обуславливая появление нового понятия – «электронная коммерция». Все операции, реализуемые в рамках электронной коммерции, могут быть выполнены только с использованием компьютерных сетей [1, с. 5].

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле в понятие *electronic commerce* включает договорные и внедоговорные отношения, осуществляемые в торговле при использовании электронных средств [2, с. 29]

Электронная коммерция охватывает довольно широкий круг направлений. Так, в сферу электронной коммерции входит онлайн-банкинг, финансовые операции (в том числе простые переводы с помощью мобильных банковских приложений), покупки через различные маркетплейсы (Ozon), онлайн-магазины, курьерские и транспортные услуги (сервисы «Яндекс.Доставка» и «Яндекс.Такси») и пр.

Учитывая, что в целом правоотношения в сфере электронной коммерции осуществляются в дистанционном формате, разумным видится и урегулирование споров в данной сфере в режиме онлайн. Особое внимание хотелось бы уделить альтернативным способам разрешения споров, в частности процедуре онлайн-медиации, применяемой для электронной коммерции.

Альтернативные способы разрешения споров, безусловно, являются допустимым вариантом урегулирования ситуации добровольным путем. Одним из таких способов выступает процедура медиации, которая представляет собой совокупность действий участников конфликта, направленных на разрешение возникшего спора

и нахождение оптимального решения с помощью посредника, при этом исключая судебное участие.

Процедура онлайн-медиации имеет множество преимуществ. Во-первых, медиативная процедура направлена на максимально возможное соблюдение интересов участников. Медиативное соглашение составляется с учетом мнения самих сторон при нахождении соглашения.

Во-вторых, разбирательство конфликта в рамках медиации значительно упрощается, стороны самостоятельно определяют место и время, назначают медиатора. При использовании онлайн-площадок медиации подать заявления для запуска процедуры становится намного комфортнее. Снижаются временные и материальные затраты, автоматизируется электронный документооборот. Переговоры проходят с использованием веб-конференц-связи в специализированных электронных совещаниях на онлайн-сервисах.

В-третьих, проведение медиативной процедуры на специализированных онлайн-сервисах позволяет достичь прозрачности, открытости и доступности. В свою очередь, данный фактор позволит повысить доверие населения и популярность этой процедуры.

Кроме того, особое значение при проведении онлайн-медиации для разрешения конфликта следует придать снижению уровня эмоций, поскольку перед экраном ноутбука стороны не так ярко и эмоционально будут высказывать свои позиции. В таком формате агрессивность оппонентов снижается, а вероятность нахождения точек соприкосновения в спорных вопросах увеличивается. Однако существует противоположное мнение, которое сводится к тому, что в дистанционном формате сторонам тяжелее уловить невер-

бальные знаки контрагентов, способность к эмпатии также снизится. К этому добавляются усиленное влияние межкультурных различий и повышенный риск искаженного восприятия текстовых сообщений [3, с. 3]. Рассмотрев две точки зрения, мы все же придерживаемся первой позиции, поскольку использование веб-конференц-связи на онлайн-сервисах позволяет сохранить зрительный контакт. Бесспорно, это бесконтактное общение, но в условиях конфликта личное присутствие сторон может послужить поводом для ухудшения положения сторон.

Более того, в случае отказа стороны от исполнения медиативного соглашения либо от процедуры медиации до нахождения компромисса не исключается возможность защиты своих прав в судебном порядке. Если стороны недовольны примирительными процедурами, они сохраняют возможность немедленно возвратиться в судебный процесс [4, с. 6].

Помимо очевидных преимуществ использования медиативной процедуры онлайн, у нее имеются и недостатки.

1. Обход учета интересов третьих лиц, чьи права могут быть затронуты медиативным соглашением. Медиатор в силу объективных причин не может проанализировать все существенные обстоятельства спора и оценить их так, как это делает суд. В силу этого возникает проблема, при которой подписание медиативного соглашения может затронуть права заинтересованных лиц. В то же время сами стороны, злоупотребляя медиативной процедурой, могут подписать соглашение в обход интересов других контрагентов сделки, которые являются заинтересованными лицами. Данное допущение может создать дополнительные вопросы при разрешении спора в суде, в том числе по заявлению третьих лиц, чьи права нарушены.

2. В случае участия нескольких лиц в споре на какой-либо из сторон процедура медиации значительно усложняется, тем более когда процедура происходит в онлайн-формате. С большим числом задействованных лиц сложно урегулировать ситуации, когда требуется учесть мнение каждого, сохранить баланс интересов и при этом прийти к единому соглашению. Дистанционный режим еще более усугубляет ситуацию множественности лиц.

3. В процедуре медиации нередко возникает проблема выбора медиатора, личность которого устраивала бы обе стороны. На наш взгляд, эта проблема имеет решение. Следует создать единую платформу онлайн-медиации по аналогии с судебной системой, где при подаче заявки на проведение медиативной процедуры система может самостоятельно в автоматическом режиме назначать специалиста или, как вариант, предлагать

варианты независимого медиатора, а сторонам остается лишь утвердить предложенную сервисом кандидатуру.

4. Результат процедуры медиации напрямую зависит от истинных намерений сторон, их реальных целей. Если стороны конфликта не преследуют цели прийти к соглашению, урегулировать спор мирным путем, то процедура в таких случаях будет лишь затягивать время для разрешения конфликта и может использоваться как инструмент для злоупотребления правом.

5. Основным недостатком использования онлайн-платформ можно обозначить риск утечки конфиденциальных данных, которые должным образом не защищены платформой. На наш взгляд, этот риск можно обойти. Как известно, технология блокчейн обладает уникальной системой защиты, применяющей в своей основе особый способ шифрования данных, который может успешно использоваться для многих дистанционных площадок, в том числе и для онлайн-медиации.

Кроме того, следует законодательно закрепить правила проведения медиативной онлайн-процедуры, которые будут разъясняться участникам. Например, в кадре, а именно на заднем фоне, не должно быть лишних предметов, которые можно будет отнести к личной информации (фото, документы) и в дальнейшем использовать в противоправных интересах.

Если имеется необходимость демонстрации экрана, то такая возможность должна быть предоставлена, однако следует иметь в виду, что на экране не должно быть никаких сторонних вкладок и личных данных. В целом возможность демонстрации экрана должна быть предоставлена исходя из обстоятельств, демонстрация экрана третьими лицами недопустима.

Во время медиации всем участникам лучше иметь включенную видеочкамеру, а во время подготовки – на усмотрение сторон [5, с. 4].

6. Помимо прочего, в работе онлайн-сервисов нередко возникают сбои.

В случае несанкционированного выхода стороны из электронной переговорной оставшиеся участники могут неправильно это толковать и усугубить и без того конфликтную ситуацию. Другой пример, когда при сбое все участники «вылетают» из переговорной, что тоже оставляет не очень приятные впечатления от онлайн-процедуры медиации.

Для таких случаев мы предлагаем продумать алгоритм, который позволит сервису распознать причину выхода участника из сессии и уведомить об этом противоположную сторону.

Помимо вышеуказанных допущений, следует обратить внимание на необходимость дли-

тельного нахождения участников перед мониторами, вследствие чего у них возникает усталость и снижается концентрация внимания.

7. Отсутствует законодательное закрепление проведения онлайн-процедур медиации, что является, на наш взгляд, вопросом времени.

8. Высокая стоимость программного обеспечения для онлайн-платформ, используемых в медиативных процедурах.

В некоторых странах онлайн-процедуры медиации широко применяются, особенно в сфере электронной коммерции. Именно для разрешения данной категории споров создавались первые онлайн-платформы. В 2013 г. Европейская комиссия инициировала утверждение Положения об онлайн-урегулировании споров в потребительской сфере № 524/2013, которое стало базовым для онлайн-процедур разрешения конфликтов в сфере онлайн-торговли.

Существуют интересные примеры частных инициатив по процедуре онлайн-медиации.

Еще в 2003 г. в США компания eВау образовала свою собственную платформу – Центр разрешения конфликтов eВау. Онлайн-платформа eВау является передовой в данной области, которая поддерживается новейшим программным обеспечением. В свою очередь, платформа используется в электронной коммерции, которая имеет большой спрос (к слову, насчитывает более 157 млн участников).

На платформе все споры группируются в зависимости от нескольких факторов, например от того, кто является заявителем. В сфере электронной коммерции предполагается разделение участников на покупателя и продавца. Платформа работает на основе заданных алгоритмов, которые предоставляют перечень дальнейших действий исходя из анализа спора, позволяющих сторонам прийти к согласованному решению. После того как заявитель подаст жалобу, она направляется по электронной почте другой стороне одновременно с запросом на участие в процедуре медиации. Контрагент в медиативной процедуре должен одобрить проведение медиации, в противном случае переход на следующий этап не будет осуществлен. Следующим этапом являются переговоры сторон, которые проводятся в специализированном разделе «Электронная совещательная комната» с использованием интерактивной системы, помогающей вести переговорный процесс (платформа самостоятельно реагирует на предложения сторон, выставляет сроки на высказывание позиции, перефразирование высказываний, что позволяет вести диалог в более дружелюбном формате). В данном случае платформа играет роль медиатора, что также способствует снижению издержек на ведение процедуры.

Интересно, что эмпирическое исследование, проведенное в eВау, позволило выявить, что описанные примирительные процедуры повышают лояльность сторон к торговой площадке [6, с. 3].

Стоит отметить, что процедура медиации является лишь одним из элементов онлайн-платформы и используется как добровольный этап урегулирования конфликта перед третейским разбирательством.

В 2019 г. Министерство юстиции РФ еще только объявило о планах создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров, прежде всего в сфере соблюдения прав потребителей [7, с. 3]. Летом 2022 г. «Сбер» и «Тинькофф» впервые провели медиацию в банковской сфере. Компания «Сбер Лигал» сыграла роль организатора процедуры медиации, при этом обеспечив переговоры между кредиторами, медиатором и нотариусом. Этот случай является уникальным опытом урегулирования банковского конфликта.

Сами участники говорят, что следующим шагом медиативной процедуры будет ее проведение и подписание соглашения в дистанционном формате на основе проведенного опыта. Такой формат будет более эффективен и удобен, в том числе и для клиентов, поскольку избавляет от необходимости находиться в одном месте всех участников: медиатора, нотариуса и кредиторов.

Рассматривая перспективы развития медиативной процедуры с использованием онлайн-платформ, следует обратить внимание на системы искусственного интеллекта. Искусственный интеллект представляет собой «сквозные» цифровые технологии, которые формируют совокупность технологических решений, позволяющих воспроизводить познавательную деятельность человека и при выполнении задач достигать результатов, которые можно сравнить с результатом интеллектуальной деятельности человека [8, с. 7].

Искусственный интеллект подразумевает способность к самообучению, что также раскрывается содержанием понятия «интеллект». Системы искусственного интеллекта обладают обширной базой данных, работают на основе заданных алгоритмов, что может быть полезно при применении данных систем в онлайн-порталах. На наш взгляд, искусственный интеллект способен полностью заменить личность медиатора.

Процедура онлайн-медиации имеет очевидные перспективы и является относительно новым в отечественной системе альтернативным способом урегулирования споров. Опыт зарубежных стран показывает эффективность данной процедуры и ее удобство, благодаря чему может быть успешно позаимствован отечественной практикой.

Список литературы

1. Юрасов А. В. Основы электронной коммерции : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2016. 480 с.
2. ЮНСИТРАЛ. Типовой закон об электронной торговле и Руководство по применению, 1996 / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1997. 29 с.
3. Кудрявцева Д. В. Многосторонняя и online-медиация: реальность и перспективы // В зеркале права. 2021. Вып. 2. С. 52–55.
4. Стрельцова Е. Г. Организация медиации как элемента государственной политики в сфере защиты прав и интересов (на основе российского исторического и современного зарубежного опыта) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 47–56.
5. Юсупова А. Ф. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-alternativnyy-sposob-razresheniya-sporov-v-grazhdanskom-protseesse/viewer>
6. Авдыев М. А. Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы // Современные технологии управления. 2015. № 8 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/servisyy-razresheniya-sporov-onlayn-izbrannyye-keysyy?ysclid=lilbptgd3m109506418>
7. Никитина Ю., Таран К. Мировые практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху // Цифровизация и конфликты. 2021. № 1. С. 11–28.
8. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие. Нижний Новгород : Нижегород. гос. ун-т, 2020. 90 с.

К вопросу о криминологической характеристике дорожно-транспортной преступности

© Галичкина В. И., 2023

В. И. Галичкина

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: vikagalichkina@yandex.ru

Научный руководитель:

С. В. Пархоменко, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: psvet@mail.ru

Аннотация. Предпринимается попытка составить криминологическую характеристику преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Анализируются статистические данные за период 2017–2021 гг., иллюстрирующие динамику дорожно-транспортных преступлений в России.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, нарушение правил дорожного движения, нарушение правил эксплуатации транспортных средств, криминологическая характеристика дорожно-транспортной преступности.

В настоящее время вопросам безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств уделяется пристальное внимание. С каждым годом происходит значительное увеличение количества транспортных средств, что означает, что плотность автомобилей на дорогах нашей страны растет, из-за чего в свою очередь обостряется проблема обеспечения безопасности дорожного движения и безопасной эксплуатации транспортных средств. Нельзя не отметить, что в течение нескольких лет проводятся мероприятия, направленные на повышение уровня безопасности на дорогах (например, по повышению качества дорог, профилактические мероприятия, по усилению мер ответственности и др.). Но несмотря на все это, уровень дорожно-транспортной аварийности остается достаточно высоким. Согласно данным из Информационно-аналитического обзора Научного центра безопасности дорожного движения о дорожно-транспортной аварийности за 2021 г., каждое одиннадцатое ДТП приводит к смертельному исходу [1].

В рамках данной статьи будут рассмотрены преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», ст. 264.1 УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость».

Согласно данным ГИАЦ МВД России, за период с 2017 по 2021 г. официально было зарегистрировано 97 615 преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ (табл. 1).

Как мы можем заметить, в сравнении с 2017-м в 2021 г. наблюдается сокращение количества преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ (-13,3 %). Однако, исходя из официальной статистики, количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, а также

число погибших в результате дорожно-транспортных преступлений остается большим. Так, в 2021 г. было зарегистрировано 133 331 дорожно-транспортное происшествие, 14 874 человека погибли, а 167 856 получили ранение [1].

Таблица 1
Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, за 2017–2021 гг.

Год	Количество преступлений	Тпр. (цепной), %	Тпр. (базисный), %
2017	21 007	–	–
2018	20 144	–4	–4
2019	19 618	–2,6	–6,6
2020	18 629	–5	–11
2021	18 217	–2,2	–13,3

За аналогичный период этого же года количество преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, составило 357 077. Из приведенных ниже данных видно, что за последние пять лет количество преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, снижается (табл. 2).

Таблица 2
Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, за 2017–2021 гг.

Год	Количество преступлений	Тпр. (цепной), %	Тпр. (базисный), %
2017	81 171	–	–
2018	73 106	–10	–10
2019	68 035	–7	–16,1
2020	68 438	0,5	–15,6
2021	66 327	–3	–18,2

Необходимо отметить, что преступления против правил дорожного движения имеют низкую латентность. Это обусловлено тем, что пострадавшие в дорожно-транспортных происшествиях всегда нуждаются в медицинской помощи, поэтому информацию о них скрыть невозможно [2, с. 210].

Также нельзя не отметить, что в отличие от преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, деяние, закрепленное в ст. 264.1 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины, т. е. совершившее его лицо осознает общественную опасность своих действий, которые к тому же носят систематический характер. В связи с этим можно сделать вывод, что наиболее злостными являются лица, которые совершают преступления, предусмотренные ст. 264.1 УК РФ [3, с. 30].

На протяжении исследуемого периода наблюдается тенденция к сокращению количества лиц, осужденных по ст. 264, 264.1 УК РФ (табл. 3). Так, количество лиц, осужденных по ст. 264 УК РФ, с 10 357 в 2017 г. сократилось до 8076 в 2021 г. То есть в данном случае наблюдается устойчивое снижение, которое составляет 22 %. За преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, в 2017 г. осуждено 72 018 лиц, а в 2021 г. – 56 795, снижение составляет 21,1 %.

Таблица 3

Количество лиц, осужденных по ст. 264, 264.1 УК РФ, за 2017–2021 гг.

Год	2017	2018	2019	2020	2021
Всего осужденных, чел.	697 054	658 291	598 207	530 998	565 523
По ст. 264 УК РФ, чел.	10 357	9469	9066	7697	8076
По ст. 264.1 УК РФ, чел.	72 018	66 287	59 543	57 731	56 795

Нельзя представить криминологическую характеристику рассматриваемого вида преступности без описания личности нарушителей. Согласно статистическим данным, среди нарушителей правил дорожного движения в основном преобладают мужчины. Так, в 2021 г. доля женщин среди всех осужденных составила 9 %. Данный факт объясняют неравным соотношением мужчин и женщин среди водителей транспортных средств [4, с. 429]. Кроме того, практика показывает, что женщины при управлении транспортным средством отличаются неагрессивным стилем вождения, характеризуются аккуратностью и дисциплинированностью, осторожностью, а также реже мужчин-водителей управляют автомобилем в нетрезвом состоянии. В отличие от мужчин-водителей женщины редко переоценивают свои навыки вождения, а также не идут на опасные и необдуманные маневры.

Возраст также выступает важным критерием характеристики личности. В криминологических исследованиях отмечается, что характер преступлений зависит от возраста преступника. То есть для каждой возрастной категории свойственны свои направленности посягательства, свое преступное поведение [5, с. 82]. По возрастным группам водители, совершившие дорожно-транспортное преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, в 2021 г., распределяются следующим образом: из числа 14–17-летних осужден 71 человек, 18–24-летних – 1289, 25–29-летних – 1184, 30–49-летних – 3845, от 50 лет и старше – 1687 [6]. Чаще всего совершают исследуемые виды преступлений лица в возрасте от 30 до 49 лет, на втором месте находятся лица от 50 лет и старше. Такое распределение объясняется тем, что тяжесть последствий дорожно-транспортных происшествий возрастает с увеличением возраста водителей. Категорию с самым низким удельным весом среди всех изученных лиц составили лица в возрасте от 14 до 17 лет (1 %).

Большинство осужденных за дорожно-транспортные преступления имеют среднее профессиональное образование, меньше всего лиц, имеющих высшее образование и получивших основное общее образование. В большинстве случаев такие преступления совершаются лицами, пребывающими в состоянии алкогольного или наркотического опьянения [7, с. 43].

Значение имеет и водительский стаж. Так, в 2021 г. из дорожно-транспортных происшествий, совершенных лицами, имеющими право управления транспортным средством, наибольшую тяжесть последствий имеют дорожно-транспортные происшествия, произошедшие по вине водителей со стажем управления 15 лет и более [1]. Это может быть связано с тем, что по мере увеличения стажа опытные водители чаще рискуют на дорогах и обладают излишней самоуверенностью, которая мешает им адекватно оценить свои реальные навыки вождения. Руководствуясь своим опытом, они совершают рискованные маневры на дороге, в некоторых случаях проявляют небрежность, не задумываются над последствиями, которые могут наступить в результате их действий.

В основном такие преступления совершаются работающими лицами, т. е. мобильной, трудоспособной, активной частью населения.

Таким образом, на основе статистических данных мы попытались представить личность нарушителя правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и дать криминологическую характеристику дорожно-транспортной преступности. Кроме того, полученные данные свидетельствуют о сокращении числа преступлений, предусмотренных ст. 264, 264.1 УК РФ. Несмотря на это, количество погибших людей в результате дорожно-транспортных преступлений остается достаточно значительным, поэтому важно уделять данной проблеме должное внимание.

Список литературы

1. Аналитический обзор о состоянии безопасности дорожного движения за 2022 г. // НЦ БДД МВД России : сайт. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/ресурсы/аналитические-обзоры-состояния-безопасно> (дата обращения: 08.05.2023).
2. Новикова Е. П. Криминологическая характеристика дорожно-транспортных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 208–211.
3. Исаев М. М. Состояние и тенденции дорожно-транспортной преступности в Российской Федерации в период реализации десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения (2011–2020 гг.) // Безопасность дорожного движения. 2021. № 3. С. 28–32.
4. Махонина А. Д. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступление в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Образование и право. 2020. № 9. С. 429–431.
5. Шерпеева А. З. Некоторые социально-демографические характеристики преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления // Уголовное право и криминология. 2021. № 1 (43). С. 81–85.
6. Данные судебной статистики за 2017–2022 гг. // Сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 08.05.2023).
7. Битшева А. В., Никифоров Ю. А. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с безопасностью дорожного движения и безопасной эксплуатацией транспортных средств: проблемы, особенности и тенденции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 1 (47). С. 38–45.

Проблемы толкования объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ

© Калабина Е. А., 2023

Е. А. Калабина

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: elizaveta.kalabina@yandex.ru

Научный руководитель:

Р. В. Кравцов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Аннотация. Освещены проблемные аспекты толкования объективных признаков состава такого преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка, предусмотренного ст. 106 УК РФ,

Ключевые слова: убийство новорожденного, новорожденный ребенок, психотравмирующая ситуация, состояние психического расстройства, начало жизни.

Статьей 106 УК РФ предусмотрено достаточно тяжкое преступление – убийство матерью своего новорожденного ребенка. Новорожденный ребенок является беззащитным объектом данного посягательства, лишенным какой-либо возможности самостоятельно защитить свою жизнь. При этом защита жизни ребенка необходима от самого близкого для него человека на земле – его матери. Актуальность данной темы обусловлена, во-первых, сложностью определения возраста ребенка и периода его жизни для установления статуса новорожденного и статуса потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, а во-вторых, трудностью определения круга действий или бездействия матери, совершающей убийство своего новорожденного ребенка.

Так, в качестве непосредственного объекта исследуемого преступления, безусловно, выступает жизнь новорожденного ребенка. В данном случае вопросов не возникает, сложности можно отметить уже в процессе определения потерпевшего от данного преступления. Напрашивается вопрос о содержании понятия новорожденного человека, моменте зарождения жизни, продолжительности статуса новорожденного.

Роды являются физиологическим, естественным процессом, связанным с изгнанием или извлечением из матки плода с последом (плацента, околоплодные оболочки, пуповина) после достижения им жизнеспособности [1, с. 109].

Жизнь как объект убийства невозможно качественно или количественно оценить, поэтому в данном случае главенствующим является принцип равной правовой защиты жизни каждого человека независимо от его пола, состояния здоровья, социального статуса, а тем более возраста. Доктрина уголовного права содержит множество интерпретаций понятия жизни с биологической точки зрения. Например, С. И. Никулин четко

определяет, что жизнь человека необходимо рассматривать только в качестве биологического состояния человека, потому как смерть является именно биологическим состоянием человека [2, с. 21]

Многие ученые в области уголовного права в качестве начала жизни называют абсолютно разные периоды общего процесса рождения человека, чаще всего выделяют следующие пять периодов:

1. Период начала родов (а именно начало схваток). Ввиду выделения данного периода ученые предполагают, что убийством будет умерщвление рождающегося ребенка еще до того, как хотя бы одна из его частей тела появилась из утробы матери.

2. Период появления хотя бы одной из частей тела ребенка из утробы матери. В этом случае убийством необходимо считать нанесение смертельной раны в голову рождающегося ребенка.

3. Период полного отделения ребенка от утробы матери, но до того, как была перерезана пуповина.

4. Период, свидетельствующий о начале самостоятельного дыхания ребенка. До недавнего времени в медицине самостоятельное дыхание ребенка признавалось в качестве единственного признака жизни (живорождения). Если младенец погибал естественной смертью до первого вдоха, то считалось, что он родился уже мертвым, даже если после рождения у него имелась сердечная деятельность. С медицинской точки зрения самостоятельное дыхание появляется, как правило, с момента, когда закончилось прохождение ребенка по родовым путям матери, т. е. тогда, когда ребенок полностью отделился от утробы матери. Характеристика данного периода практически совпадает с предшествующим.

5. Период, в котором уже произошло перерезание пуповины [3, с. 140].

Наука давно опирается на подход, согласно которому началом человеческой жизни является

начало процесса родов женщины. Практика же показывает, что совершить убийство во время родов возможно в тот момент, когда пуповина плода будет отрезана от тела матери, иначе говоря, плод будет являться самостоятельным объектом убийства.

На законодательном уровне временной период рождения нового человека определяется Приказом Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о регистрации и порядке ее выдачи» [4]. Согласно п. 1 приложения 1 данного приказа, момент рождения ребенка наступает тогда, когда он отделился от организма его матери. Документ содержит критерии рождения, а также критерии, определяющие живорождение, т. е. момент, когда возникает жизнь с медицинской точки зрения.

Так, живорождением является момент, когда плод отделился от организма матери с помощью родов, при этом срок беременности должен составлять не менее 22 недель, а масса тела новорожденного – не менее 500 г (менее 500 г плод может весить при многоплодной беременности) или масса тела ребенка при рождении неизвестна, а длина тела составляет 25 см и более, а также когда ребенок имеет очевидные признаки живорождения, к которым относятся: дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента. При соблюдении указанных критериев ребенок считается новорожденным. Но важно установить и период, в течение которого ребенок является новорожденным, т. е. период, когда он является объектом охраны в статусе новорожденного ребенка, а не человека, и может быть потерпевшим по исследуемой статье уголовного закона.

О начале жизни ребенка в момент отделения его тела от тела матери в процессе родов говорится и в ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5].

Так, новорожденным ребенок является с момента рождения и до момента, пока его организм не адаптируется к обычным условиям внешней среды. Профессор С. В. Бородин полагал невозможным установление заранее определенного срока, когда ребенок считается новорожденным, и писал о необходимости установления его в каждом конкретном случае [6, с. 174]. Отсутствие законодательного и доктринального определения периода жизни новорожденного ребенка является существенным упущением, поскольку это влечет проблемы квалификации данного преступления, а именно затрудняет определение возраста жертвы, который является одним из главных критериев квалификации преступления по ст. 106 УК РФ. В то же время на практике этот

период чаще определяется одним месяцем или 28–30 днями.

В этом плане более спорных вопросов относительно определения объекта преступления, предусмотренного исследуемой статьей уголовного закона, не возникает. Сложности присутствуют и при определении объективной стороны преступления.

Объективная сторона данного преступления выражается в общественно опасном противоправном деянии матери, которое впоследствии повлекло смерть новорожденного ребенка. Необходимо указать, что убийство матерью новорожденного ребенка может быть осуществлено как путем активных действий (удушение, нанесение смертельных ран, избиение), так и путем бездействия (отказ от поддержания жизнедеятельности ребенка, связанный, например, с отказом кормить, поить ребенка).

При этом действия и бездействие матери должны быть сознательными, направленными на лишение жизни младенца. Между смертью новорожденного и действиями (бездействием) должна быть причинно-следственная связь как обязательный признак объективной стороны. Например, мать не кормит своего ребенка в течение нескольких дней, желая наступления смерти ребенка, а при этом ребенок родился мертвым и наступление смерти не связано с бездействием матери.

Сложности возникают с трактовкой таких признаков объективной стороны данного преступления, как обстановка и время совершения преступления. Так, ч. 1 ст. 106 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за убийство матерью своего новорожденного ребенка во время или сразу же после родов. Парадоксально: как можно убить ребенка во время родов, если он еще не является объектом уголовной охраны, его жизнь еще не началась с точки зрения как закона, так и медицины? Убийство есть преступление с материальным составом, и для его окончания необходимо последствие в виде смерти. Исходя из этого, смерть должна причиняться человеку, но не плоду, каковым является по сути ребенок во время родов и еще в теле матери [7, с. 472]. По мнению законодателя, необходимо доказывать вину матери в смерти объекта, которым не является человек, т. е. доказывать вину за несуществующие последствия.

Кроме того, вызывает многочисленные вопросы трактовка выражения «сразу же после родов». Некоторые авторы считают, что данный временной период должен ограничиваться одними сутками (24 часа). Мы не согласны с этой точкой зрения, так как слова «сразу же», по нашему мнению, означают сразу после родов в родильном кабинете на «родильном столе». Если убийство происходит после того, как мать после

родов будет переведена в родильную палату, тогда преступление может быть совершенным только в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства и именно после родов, но не сразу же (согласно толковому словарю слово «сразу» означает «очень быстро, немедленно, в тот же момент» [8, с. 1375]).

Часть 2 ст. 106 УК РФ предусматривает убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, т. е. предполагается, что оно происходит при особых обстоятельствах в жизни женщины, которые изменяют к худшему ее психоэмоциональное состояние [9, с. 69].

Понятие психотравмирующей ситуации является оценочным, так как не закреплено законодательно. Поэтому в теории и практике для обоснования наличия психотравмирующей ситуации используются такие доводы, как, например, смерть мужа, наступление беременности в результате изнасилования, невозможность заботиться о новорожденном, семейные и бытовые трудности. Таким образом, в условиях современной экономической ситуации и социальной напряженности практически любое убийство новорожденного при желании можно будет считать совершенным в условиях психотравмирующей ситуации.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, также является признаком одного из видов убийства матерью новорожденного ребенка. Психическое расстройство должно нарушать способность лица к осознанному волевому поведению во время совершения преступления, и именно этот факт является ключевым для признания лица ограниченно вменяемым [3, с. 334].

Здесь же хотелось бы отметить, что действия матери, убивающей ребенка, который еще не вышел из ее организма и не стал самостоятельным

объектом уголовной охраны, подпадают уже под иную статью, нежели ст. 106 УК РФ. Если плод находится в утробе матери и не является самостоятельным объектом, то в таком случае его умышленное уничтожение по просьбе матери будет квалифицировано по ст. 123 УК РФ, норма которой определяет такой состав убийства, как незаконное проведение искусственного прерывания беременности [10]. Если убийство нерожденного ребенка происходит без инициативы матери и в момент, когда плод еще не вышел полностью из ее организма, то квалификация данного деяния представляет большие трудности. Абсолютно понятно, что преступные действия являются не абортom, а убийством.

Возникают сложности с определением того, является данное убийство оконченным или покушением на него. Для верной квалификации потребуется заключение судебно-медицинской экспертизы о том, что ребенок был жив или, напротив, мертв в момент совершения посягательства [1, с. 287]. Если экспертизой будет установлено, что ребенок был жив, в таком случае причинение ему смерти должно квалифицироваться как убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. Если ребенок уже был мертв, посягательство квалифицируется как покушение на негодный объект.

Таким образом, анализ ст. 106 УК РФ показал, что ее отдельные положения требуют законодательной доработки. Кроме этого, необходима регламентация такого понятия, как новорожденный ребенок, а также переработка положений статьи об убийстве новорожденного ребенка сразу после родов и интерпретации возможных действий, связанных с убийством ребенка во время родов. Данные изменения существенно упростят процесс квалификации деяний, предусмотренных ст. 106 УК РФ, позволят избежать неверного толкования нормы закона.

Список литературы

1. Авдеев М. И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц: руководство для судебно-медицинских экспертов и врачей других специальностей / под ред. В. В. Томилина. М. : Медицина. 1968. 376 с.
2. Журавлев М. Л., Никулин С. И. Российское уголовное право. Особенная часть. М. : Литра, 2016. 486 с.
3. Погосян Л. В. Уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка // Молодежь Сибири – науке России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2014. С. 333–335.
4. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи : приказ Минздрава России от 27 дек. 2011 г. № 1687н (ред. от 01.03.2022) // Рос. газ. 2012. № 64.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 08.03.2022) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 48.
6. Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. 356 с.
7. Кротких С. А. Проблемы толкования объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ // Молодой ученый. 2016. № 26 (130). С. 471–474.
8. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2015. 1375 с.
9. Плаксина Т. А. Наказание за убийство матерью новорожденного ребенка // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 67–79.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 дек. 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 17.03.2022 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25.

Право на иск в гражданском и арбитражном процессе, административном судопроизводстве

© Камардина П. М., 2023

П. М. Камардина

Студентка 5-го курса, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, e-mail: poly_krasik@mail

Научный руководитель:

В. В. Джура, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, e-mail: kafedragas@esbrsuj.ru

Аннотация. Изучаются процессуальные гарантии реализации права граждан на судебную защиту своих прав и законных интересов. Рассматриваются условия для успешной подачи иска в суд в гражданском и арбитражном процессе, а также административном судопроизводстве, производится обобщение. Делается вывод о принципиальных отличиях гражданских, арбитражных и административных исков.

Ключевые слова: гражданский процесс, суд, арбитражный процесс, административный иск, ответчик, истец.

Право на иск – это обеспеченная законом возможность обращаться к суду для защиты, восстановления нарушенного права или устранения неопределенности в праве.

В соответствии со ст. 46 Конституции РФ каждый имеет право на обращение в суд за защитой своих прав [1]. Именно в праве на иск реализуется конституционное право на судебную защиту.

Любое обращение в суд с иском должно сопровождаться требованием к ответчику, т. е. к конкретному лицу, нарушившему право истца, в сочетании двух требований: материально-правового – это требования истца к ответчику; процессуально-правового – это требования истца к суду. Без одной из этих сторон обращение в суд не может рассматриваться в качестве иска.

Исковые требования – это такие требования, когда между истцом и ответчиком возник спор в связи с нарушением или оспариванием субъективного права и стороны не разрешили его без вмешательства суда, а передали на его рассмотрение и разрешение.

Право на предъявление иска связывается законом с наличием определенных минимальных условий, так называемых предпосылок права на предъявление иска. Предпосылками права на предъявление иска являются юридические факты, с наличием или отсутствием которых закон связывает возникновение субъективного права на предъявление иска по конкретному делу.

Делятся предпосылки права на общие и специальные в зависимости от круга дел, по которым они применяются, а также на положительные и отрицательные в зависимости от того, с наличием их или отсутствием связывает закон возникновение права на иск в процессуальном смысле.

К общим положительным предпосылкам относятся:

1. Процессуальная правоспособность истца и ответчика. У граждан правоспособность возникает с момента рождения. Организации же для того, чтобы быть лицом, участвующим в деле, должны обладать правами юридического лица.

Дееспособность не является предпосылками права, так как право на предъявление иска связано со способностью быть стороной в процессе, а не с возможностью самому осуществлять свои права, это возможно с помощью судебного представителя.

2. Подведомственность спора суду. Общие правила подведомственности суду отражены в ст. 37 ГПК РФ [2].

Специальные предпосылки составляют:

1. Отсутствие вступившего в законную силу судебного решения, вынесенного по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, или определения суда о прекращении производства по делу в связи с отказом истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон.

2. Отсутствие решения третейского суда, принятого в пределах своей компетенции, по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям.

3. Отсутствие между сторонами договора о передаче возникшего спора на разрешение третейского суда.

Также для процессуальных истцов, таких как государственные органы, органы местного самоуправления, организации или граждане, одной из обязательных предпосылок права будет являться наличие юридического интереса.

Юридический интерес – интерес в получении судебного акта вне зависимости от его содержания.

Перечисленные предпосылки носят общий характер, с их наличием или отсутствием закон

связывает право на предъявление иска. Правовым последствием отсутствия предпосылок права на предъявление иска является отказ в принятии искового заявления.

В гражданском процессе возбуждение искового производства является результатом двух процессуальных действий: обращение заинтересованного лица и принятие судьей поданного заявления.

Однако для того, чтобы подать исковое заявление, необходимо:

- 1) обладание правом на предъявление иска;
- 2) отсутствие специальных предпосылок права, а также соблюдение предварительных условий реализации предъявления иска, которые отражены в ст. 134 и 135 ГПК РФ;

- 3) соблюдение правил обращения в суд. Перечень требований к исковому заявлению является исчерпывающим. К числу таких обязательных требований к исковому заявлению процессуальным законом отнесены указание истцом на факт нарушения либо угрозу нарушения ответчиком его прав, свобод или законных интересов, а также указание истцом на обстоятельства, на которых он основывает свои требования, и ссылка на доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Правила предъявления иска установлены гл. 12 ГПК РФ.

При невыполнении заявителем условий осуществления права на предъявление иска судья также отказывает в принятии заявления, однако по устранении установленных нарушений возможно повторное обращение в суд с тем же иском. В соответствии со ст. 134 ГПК РФ отказ в принятии заявления, поданного с нарушением норм подсудности гражданского дела, не препятствует возбуждению производства в другом суде с соблюдением требований подсудности.

В ст. 135 ГПК РФ предусмотрен не только отказ в принятии искового заявления, влекущий невозможность повторного обращения заявителя с тождественным иском, но и возвращение искового заявления, не препятствующее повторному обращению.

Несоблюдение правил обращения к суду служит основанием для оставления заявления без движения. При этом судья в выносимом определении предоставляет заявителю срок для исправления недостатков. Если заявитель в установленный срок устранит отмеченные недостатки, заявление считается поданным в день первоначального представления его в суд. В противном случае заявление считается недоанным и возвращается заявителю (ст. 136 ГПК РФ).

В арбитражном процессе право на предъявление иска реализуется с помощью подачи иска или заявления. Основным способом возбуждения дела является подача иска, так как заявлением

возбуждаются только дела об установлении юридических фактов и о несостоятельности (банкротстве).

При предъявлении иска в арбитражном процессе истец направляет копии иска и прилагаемых к нему документов ответчику и иным лицам, участвующим в деле, таким образом ответчик становится стороной в деле в момент получения копий этих документов и искового заявления. Ответчик в арбитражном процессе реализует свое право отзыва на исковое заявление, предусмотренное ч. 1 ст. 131 АПК РФ [3], непосредственно на этапе возбуждения дела, в отличие от гражданского процесса, где субъект приобретает статус ответчика уже на этапе подготовки дела, так как истец направляет исковое заявление и все необходимые документы непосредственно в суд, а суд сам занимается рассылкой документов лицам, участвующим в деле. Следовательно, стороны в гражданском процессе определены только на этапе подготовки дела, в связи с этим в гражданском процессе нет смысла выделять стороны как составной элемент иска. В арбитражном же процессе все несколько сложнее, так как при возбуждении дела уже обозначены истец, ответчик и иные лица, участвующие в деле. Из этого следует, что истец сначала инкриминирует требования к ответчику, а затем уже предъявляет свои требования в арбитражный суд. Об этом же пишет Г. Л. Осокина, выделяя также стороны процесса как составной элемент иска [4].

Основная обязанность арбитражного суда на стадии возбуждения дела – решить вопрос о принципиальной возможности рассмотреть материально-правовое требование субъекта, а при рассмотрении и разрешении дела основная обязанность суда сводится к разрешению дела или вопроса о материальных правах и обязанностях лиц, участвующих в деле в установленной законом процессуальной форме. Процессуальная форма рассмотрения и разрешения гражданских дел закреплена законом, и субъект не может и не вправе, на мой взгляд, влиять своими действиями на решение этого вопроса, кроме, разумеется, влияния посредством существа заявляемого требования.

Тем не менее задача определения надлежащей юрисдикционной процедуры должна быть решена арбитражным судом в стадии возбуждения дела, а в ряде случаев – в стадии подготовки дела к судебному разбирательству. На сегодняшний день данный вопрос нормативно урегулирован частично: об объединении дел в одно производство, о выделении требований в отдельное производство или об отказе в этом арбитражный суд выносит определение на основании ч. 2, 3, 5 ст. 130 АПК РФ. Если же вопрос о разъединении или выделении требований не стоит, то и разрешать вопрос о юрисдикционной процедуре не следует. На наш взгляд, это неверный подход.

Разрешать вопрос о надлежащей юрисдикционной процедуре необходимо, так как в ряде случаев это влияет на различные процессуальные особенности, например на процессуальные сроки или распределение судебных расходов и др. Особенно этот вопрос актуален для разрешения гражданских дел в судах общей юрисдикции. Например, субъект предъявляет требование о взыскании пособия по безработице, свое требование оформляет в виде искового заявления. Ответчиком по данному требованию выступает территориальный орган службы занятости. В данном случае субъект неверно определил надлежащую юрисдикционную процедуру рассмотрения и разрешения его материально-правового требования, что влечет нарушение норм процессуального права. Отношения в сфере занятости населения носят публично-правовой характер, служба занятости выступает в них как государственный орган, осуществляющий возложенную на него компетенцию, поэтому это дело должно рассматриваться в порядке, установленном гл. 25 ГПК РФ (производство по делам об оспаривании органов государственной власти, местного самоуправления и т. п.), а не в порядке, установленном подразд. 2 ГПК РФ (исковое производство).

Ненадлежащее определение заявителем юрисдикционной процедуры влечет нарушение норм процессуального права: согласно ч. 1 ст. 257 ГПК РФ это дело должно быть рассмотрено в течение 10 дней, а не в течение двух месяцев, как это установлено в ч. 1 ст. 154 ГПК РФ. Причем у суда нет каких-либо реальных механизмов воздействия на истца.

На мой взгляд, суд должен иметь возможность определить надлежащую юрисдикционную процедуру рассмотрения и разрешения заявленного материально-правового требования в случае, если надлежащая юрисдикционная процедура неверно выбрана истцом. Иными словами, если истцом неверно выбрана юрисдикционная процедура, то суд вправе вынести определение об оставлении искового заявления без движения, в котором укажет, в какой форме необходимо предъявить требование истца по данному делу. Поэтому можно вынести в качестве специального основания для оставления искового заявления без движения именно несоответствие формы рассмотрения и содержания предъявляемого материально-правового требования. Под несоответствием формы и содержания предъявляемого требования будет пониматься как раз неверный выбор субъектом юрисдикционной процедуры рассмотрения и разрешения его материально-правового требования.

Исходя из этого, делаем вывод, что иск состоит из четырех элементов: предмета, основа-

ния, сторон и содержания. Под содержанием следует понимать вид истребуемой истцом судебной защиты, так как данный элемент можно включить в предмет иска, не разделяя на материально-правовое и процессуально-правовое требования. Таким образом, если иск – это средство защиты гражданских прав и законных интересов, то в предмет иска будет входить материально-правовое требование, а сам иск является реализацией права на судебную защиту [5]. Поэтому говорить о наличии в структуре иска процессуально-правового требования несколько некорректно: сам иск выступает процессуально-правовым требованием истца перед арбитражным судом. Данной позиции придерживается М. И. Зайцев, который отмечал: «Иск представляет собой гражданско-процессуальную конструкцию, предназначенную для рассмотрения и разрешения в исковом порядке и для передачи спора в суд» [6].

Далее рассмотрим право на иск в административном судопроизводстве, которое имеет общие процессуальные признаки с гражданским, а именно: между субъектами имеется спор о праве, присутствуют стороны – истец, ответчик, обладающие процессуальными правами и обязанностями, а также интересами, которые обратно противоположны. Также данные иски объединяют закрепленные процессуальным законодательством гарантии – заключение мирового соглашения. Хочется отметить и то, что для обоих процессов характерны принципы состязательности и равноправия сторон, которые присущи процессуальному законодательству в целом.

Но все-таки имеются в административном судопроизводстве некоторые различия. Например, в объекте защиты.

Стоит отметить немаловажный факт: в административном судопроизводстве отсутствует требование предоставления суду доказательств о том, что были исчерпаны все возможности урегулирования спора в досудебном порядке, что является обязательным в гражданском процессе.

В административном судопроизводстве объектом будет являться требование защиты публичных прав или охраняемых законом общественных интересов, тогда как в других процессах – защита частного права. По мнению В. М. Корякина, основное отличие искового производства от производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, заключается в том, что в первом случае суд рассматривает спор о праве, возникший между равноправными, автономными, независимыми субъектами, а в административном производстве суд по ходатайству заинтересованного лица проверяет законность и обоснованность решений и действий органов управления и должностных

лиц. В то же время стороны такого спора находятся в отношениях власти и подчинения [7].

Исходя из всего вышеизложенного, анализа норм гражданского и административного процесса, логичным будет сделать следующий вывод: несмотря на всю тождественность данных процессов, административный иск имеет ярко выраженные отличия от иска в гражданском и арбитражном процессе, которые заключаются в том, что:

1) административный иск является средством защиты публичных прав и охраняемых законом интересов субъектов публичных правоотношений;

2) административный иск возникает из спорных общественных отношений.

Таким образом, в гражданском и арбитражном процессе и административном судопроизводстве право на иск реализовано как конституционное право на судебную защиту, и во многом данные процессы похожи, но в каждом из них есть свои нюансы, которые существенно выделяют тот или иной процесс.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Рос. газ. 2002. 20 нояб. (№ 220).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Рос. газ. 2002. 27 июля (№ 137).
4. Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). М. : Городец, 2000. 192 с.
5. Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. М. : ТК Велби ; Проспект, 2004. 584 с.
6. Зайцев И. М. Функции иска в судопроизводстве // Государство и право. 1996. № 7. С. 93.
7. Корякин В. М. Административный иск как средство защиты нарушенных прав и законных интересов военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 5. С. 32–36.

Административный иск: проблемы формы и содержания

© Катышевцев И. К., 2023

И. К. Катышевцев

Студент 4-го курса, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, e-mail: fffcffee@mail.ru

Научный руководитель:

Я. И. Заиченко, кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, e-mail: ms.dana777@bk.ru

Аннотация. Дается понятие административного иска. Рассматриваются основные требования, предъявляемые к форме и содержанию исследуемого правового явления. На основании проведенного исследования с учетом выявленных особенностей административного иска формулируются правовые предложения, направленные на дальнейшее совершенствование механизма защиты прав населения.

Ключевые слова: административный иск, форма административного иска, содержание административного иска, проблемы административного иска.

Актуальность исследования такого явления, как административный иск, обусловлена тем, что в числе вопросов, вызванных принятием Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) [1], большое теоретическое и практическое значение имеет вопрос определения элементов административного иска. Понимание специфики содержания административного иска, его формы и особенностей отражается на разграничении компетенции гражданского и административного судопроизводства, что способствует повышению правовой культуры административного судопроизводства.

КАС РФ стал первым в области административного процесса кодифицированным нормативным актом, что позволило на практике реализовать концепцию административного иска, которая давно существовала в правовых системах за рубежом, а также дало возможность судам в порядке нового вида судопроизводства – административного – разрешать дела об оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих и другие подобного рода вопросы, вытекающие из административных и иных публичных правоотношений. Рассмотрение аналогичных дел до принятия КАС РФ осуществлялось в соответствии с требованиями гражданского судопроизводства, однако именовалось как производство по делам, вытекающим из публичных правоотношений.

При изучении содержания правовых норм выяснилось, что отсутствует легальная дефиниция понятия «административный иск», в связи

чем интересна дискуссия ряда ученых о теоретическом определении понятия административного иска. По мнению С. В. Ниловой, «административный иск – это требование о проверке на законность актов, решений, действий (бездействия) органов власти, направленное в суд первой инстанции, если ими были нарушены субъективные права либо публично-правовые интересы лица, в целях их защиты» [2, с. 54].

Более краткое, но емкое определение предлагают другие ученые, рассматривающие «...административный иск как право на судебную защиту граждан в случае нарушения их публичных правомочий» [3, с. 117].

В. М. Корякина называет административным иском «вытекающее из материально-правовых или служебных правоотношений спорное правовое требование административного истца к административному ответчику, базирующееся на юридических фактах, переданное на рассмотрение суда для процессуального рассмотрения и разрешения, в порядке, установленном КАС РФ» [4, с. 32]. Данное определение, по нашему мнению, более точное, так как указывает на конкретный субъектный состав участников сложившихся публичных правоотношений.

Важно, что сторонами административного иска являются административный истец и административный ответчик. Исследователи природы административного иска также полагают, что лица, обращающиеся за судебной защитой по административным спорам, должны соблюдать необходимые требования допустимости административного иска, такие как «предмет административного иска; административная процессуальная право- и дееспособность; право предъявления административного иска; допустимое основание для предъявления административного иска; сроки» [5, с. 128].

Различают две стороны административных исков: материально-правовую и процессуально-правовую. В первом случае речь идет о возможности удовлетворения заявленного требования по существу на основе установленных факторов и юридических норм административного права, во втором – о правомерности обращения в суд с целью получения судебного решения. В законе четко оговариваются мотивы, по которым суд отказывает в принятии иска (ст. 128 КАС РФ), прекращает производство по делу (ст. 194 КАС РФ) или оставляет иск без рассмотрения (ст. 196 КАС РФ).

Административное исковое заявление подается в суд в письменной форме в разборчивом виде и подписывается с указанием даты внесения подписей административным истцом или его представителем. Для подобного рода дел в гражданском процессуальном законодательстве был установлен специальный срок принятия заявления к производству, поэтому применялся общий пятидневный срок. Ныне действующий КАС РФ определил, что со дня поступления административного искового заявления в суд у судьи есть три дня для рассмотрения вопроса о принятии искового заявления к производству. Несколько изменены и сроки рассмотрения и разрешения административных дел. Так, в силу ст. 141 КАС РФ административные дела рассматриваются и разрешаются Верховным Судом РФ до истечения трех месяцев, а другими судами – до истечения двух месяцев со дня поступления административного искового заявления в суд. По сложным административным делам установленный срок может быть продлен председателем суда, но не более чем на один месяц.

В соответствии с установленной законом формой искового заявления обращающееся в суд лицо просит его о совершении конкретного действия. Что же касается одновременного предъявления для рассмотрения судом материально-правового требования истца к ответчику, то оно практически не имеет смысла, поскольку посредством принуждения ответчика к определенному поведению либо изменения или прекращения правоотношений, о чем просит суд истец, обеспечивается получение последним того же результата, который он получил бы в случае удовлетворения ответчиком данного требования, если бы оно заявлялось в суде. По этой причине параллельное предъявление в суде двух требований – истца к суду и истца к ответчику практически нецелесообразно.

С приведенной точкой зрения на понятие административного иска нельзя согласиться также потому, что при обращении в суд с некоторыми видами исков предъявление истцом требования к ответчику вообще исключается. Последнее обу-

словливается тем, что определенное право не может быть реализовано или охраняемый законом интерес удовлетворен посредством действий ответчика, а для этого требуется вынесение решения судом. Сказанное относится, например, к искам о признании сделок недействительными, применении последствий недействительности ничтожных сделок, признании торгов недействительными.

Лишь суд вправе расторгнуть брак между супругами, имеющими несовершеннолетних детей, за исключением случаев, предусмотренных законом, признать брак недействительным, лишить родительских прав, ограничить в родительских правах, отменить усыновление ребенка. В связи с этим иски, направленные на совершение указанных действий, не могут содержать требование истца к ответчику. Следовательно, данное требование вовсе не является, наряду с требованием истца к суду, необходимой стороной иска, без которой невозможно его существование, а значит, неверно и определение иска как единства двух вышеназванных требований.

Что касается требований к содержанию иска, то они остались прежними. Нововведением является установленная ст. 126 КАС РФ обязанность прикладывать к исковому заявлению документ, подтверждающий наличие высшего юридического образования у гражданина, который является административным истцом и намерен лично вести административное дело, по которому предусмотрено обязательное участие представителя. Кроме того, ч. 2 ст. 45 КАС РФ предусматривает возможность подачи административного искового заявления посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте соответствующего суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Помимо этого, ст. 125 КАС РФ предусматривает возможность направления административным истцом, не обладающим государственными или иными публичными полномочиями, другим лицам, участвующим в деле, копии административного искового заявления и приложенных к нему документов, которые у них отсутствуют, способами, указанными в ч. 7 указанной статьи, тогда как на истца, обладающего таковыми полномочиями, возложена соответствующая обязанность.

В административном иске должно содержаться конкретное материально-правовое требование, указанное в ст. 124 КАС РФ (например, о признании незаконным полностью или в части решения, принятого судебным приставом-исполнителем – административным ответчиком, либо совершенного им действия или допущенного бездействия). Заявленное исковое требование, вытекающее из спорного материально-правового отношения, в отношении которого суд должен

вынести решение по делу, составит предмет административного иска. Основанием административного иска будут те юридические факты, на которые ссылается административный истец в обоснование своих требований к административному ответчику.

Практика показывает, что одно и то же лицо способно своими действиями (бездействием) нарушить права и интересы большого количества лиц, в связи с чем они все оказываются вовлечены в правовой конфликт. Решение данной проблемы теперь возможно посредством коллективного (группового) производства. КАС РФ установил возможность подачи коллективного искового заявления (ст. 42 КАС РФ), которое, по сути, является групповым иском. Подача такого иска возможна при соблюдении ряда условий. Во-первых, группа должна быть многочисленной, либо число ее членов быть неопределенным. При этом закон не установил конкретного количества членов группы, однако определил, что на дату обращения к иску должны присоединиться не менее двадцати лиц путем подачи заявления об этом или подписания иска. Во-вторых, должна соблюдаться однородность предмета спора и оснований для предъявления членами группы соответствующих требований. Такое условие позволяет

более широко толковать интерес обратившихся с групповым иском в административном судопроизводстве. Третье и четвертое условия заключаются в предъявлении одинаковых требований к одним и тем же лицам и использовании одинаковых способов защиты своих прав, что позволяет рассмотреть такие требования в рамках одного процесса. Безусловно, введение в административную практику группового производства обусловлено целесообразностью его применения, поскольку в рамках одного процесса позволяет рассмотреть большое количество однотипных требований и принять единственно возможное правильное решение, исключая вынесение противоречивых судебных актов.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что административный иск, применяемый как средство защиты в публичных правоотношениях, обладает определенными специфическими чертами, которые сказываются на ходе производства по определенным категориям административных дел, в некоторой степени усложняя их, но в целом реализуя одну из функций правосудия – осуществление нормоконтроля и контроля за деятельностью субъектов, обладающих властными публичными полномочиями.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Нилова С. В. Защита субъективных прав и интересов посредством административного иска // Администратор суда. 2018. № 1. С. 54–56.
3. Столярова А. А. Особенности административного иска в административном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права: теоретические и правоприменительные аспекты. Рязань, 2021. С. 115–119.
4. Корякин В. М. Административный иск как средство защиты нарушенных прав и законных интересов военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 5. С. 32–36.
5. Коховец О. В. Административная жалоба и административный иск: соотношение понятий // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2021. № 3. С. 127–134.

Сравнительно-правовой анализ положения беженцев и мигрантов в России и Западной Европе

© Кравцова Е. Р., 2023

Е. Р. Кравцова

Студентка 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kravts.katya88@yandex.ru

Научный руководитель:

А. В. Колосов, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: lex.x@mail.ru

Аннотация. Анализируется правовой статус мигрантов в России и Европе. Изучаются виды помощи беженцам при решении возникающих проблем во время их интеграции в общество после получения данного статуса. Исследуются и сравниваются нормативные акты зарубежных стран, международно-правовые акты и законы Российской Федерации.

Ключевые слова: интеграция, миграция, правовой статус беженцев, помощь мигрантам, Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г., Федеральный закон «О беженцах».

В контексте экономической и политической глобализации изменились не только основные характеристики международной миграции, но и факторы, которые ее определяют. Масштабы мировых миграционных процессов растут, в них вовлекается все больше и больше людей.

В современном мире наблюдается неуклонный рост как легальных, так и нелегальных миграционных потоков в страны Европы, особенно из стран с так называемой нестабильной социально-экономической обстановкой [1, с. 775].

В самом общем смысле термин «мигрант» применим ко всем людям, которые находятся за пределами страны своего происхождения и (или) национальности, вне зависимости от мотивов, целей и причин миграции [2, с. 848].

Однако в качестве оснований для классификации мигрантов В. И. Лайтман выделяет следующие признаки. Во-первых, территориальный признак: перемещение происходит через государственную границу или внутри государства. Во-вторых, признак добровольности перемещения: например, вынужденная миграция или перемещение по своему желанию. В-третьих, признак соблюдения установленного порядка перемещения: легальные или нелегальные мигранты. Также правовой статус мигранта может зависеть от срока проживания на территории определенного государства [3, с. 28].

Правовое содержание понятия «мигрант» в современном международном праве четко не определено, отсутствует единая закрепленная международным правовым актом дефиниция. В то время как специальный правовой статус некоторых категорий мигрантов, таких как «беженец» и «вынужденный переселенец», установлен международно-правовыми нормами строго и конкретно.

Согласно данным статистики сайта Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (далее – УВКБ ООН по делам беженцев), по состоянию на 7 февраля 2023 г. количество беженцев, зарегистрированных по всей Европе, составило 8 054 405 чел. С 24 февраля 2022 г. по 3 января 2023 г. больше всего беженцев приняла Российская Федерация – 2 852 395 чел. В число стран, принявших более 100 тыс. чел., вошли Польша, Германия, Чехия, Италия, Испания, Великобритания и другие государства [4].

В последние годы миграционное перемещение населения наиболее часто вызвано политическими причинами. Однако все чаще миграция стала носить идеологический характер: перемещение граждан основывается на несогласии жить при существующем социально-экономическом строе.

Число нелегальных въездов в страны Европейского союза (далее – ЕС) в период с января по сентябрь 2022 г. выросло на 70 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 г., сообщила 13 октября 2022 г. немецкая газета Die Welt со ссылкой на доклад Frontex – агентства ЕС по безопасности внешних границ [5].

Нелегальная миграция – это не только незаконное пересечение границы, но еще и законное пересечение границы, но без последующей регистрации, а также, например, миграция с целью обучения, а фактически осуществления трудовой деятельности и т. п.

Только в сентябре 2022 г. агентство Frontex зафиксировало около 33 380 случаев незаконного пересечения границы, более половины инцидентов произошло вдоль так называемого балканского маршрута (морской путь из Турции в Грецию, преодолевая который беженцы следуют

далее в страны Западной и Северной Европы) [6]. Странами происхождения большинства таких мигрантов являются Сирия, Афганистан и Турция. Значительно увеличилось число нелегальных въездов в Великобританию из ЕС через Ла-Манш (пролив между Францией и Великобританией).

11 октября 2022 г. министр внутренних дел земли Бавария заявил, что возможности Германии по размещению беженцев приближаются к своим границам. Также, по словам министра внутренних дел Германии Нэнси Фезер, Берлин инициировал ряд мер по ужесточению контроля за границей с Австрией. Фезер призвала правительство Сербии отменить свободу виз для стран, не входящих в ЕС. Ситуация во многих немецких городах, а особенно в крупных, с начала 2022 г. оценивалась как критическая. Например, в Лейпциге были построены палаточные городки, а в Дрездене власти использовали выставочный зал в качестве жилья для беженцев. Аналогичные меры были приняты во многих других странах, оказывающих активное содействие в помощи новоприбывшим лицам, в том числе в городах Польши, Чехии и др. [7, с. 403].

В большинстве государств Западной Европы и в США законодательство о беженцах является достаточно развитым. Определение понятия «беженец», закрепленное в Конвенции о статусе беженцев, принятой 28 июля 1951 г. в Женеве [8], в настоящее время инкорпорировалось в национальное право многих государств. При включении нормы-дефиниции о понятии беженца в национальное законодательство Конвенция о статусе беженцев 1951 г. служит своего рода моделью.

Законодательство Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ) имеет положения, защищающие беженцев как на уровне Конституции, так и в отдельных федеральных законах. Так, Основной закон ФРГ 1949 г. предусматривает, что «лица, преследуемые по политическим, расистским и религиозным мотивам, имеют право на убежище» [9]. В 1992 г. в Германии был принят отдельный специальный закон, закрепляющий нормы о предоставлении политического убежища. Он устанавливает, что право лиц, признанных беженцами, на получение статуса является минимальным стандартом, предусмотренным Конвенцией о статусе беженцев 1951 г. [10]

Еще один показательный пример – Конституция Франции 1958 г. [11], которой признается принцип предоставления убежища. Принятый в 1952 г. закон, учреждающий Французское управление по защите беженцев и апатридов [12], устанавливает, что к числу беженцев, на которых распространяется деятельность управления, относятся беженцы, подпадающие под определение

Устава УВКБ ООН по делам беженцев, а также под ст. 1 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.

Таким образом, многие страны активно внедряют международно-правовые нормы, регулирующие правовой статус беженцев, в свое национальное законодательство, закрепляя их чаще всего в полном соответствии с международным правовым актом. Помимо этого, ряд государств пошли по пути расширения толкования понятия «беженец». Причинами таких действий могут быть гуманитарные соображения законодателя, а также общая политическая ситуация в конкретном регионе [13, с. 169].

Проблема беженцев в России, которая была почти незнакома населению в советский период, оказалась в центре внимания практиков, журналистов и ученых после распада СССР, однако в начале XXI столетия интерес к ней значительно ослаб. В последние годы проблема вновь приобрела большое значение: это связано с ростом потока беженцев с востока Украины и других лиц, ищущих убежище [1, с. 779].

Присоединение Российской Федерации в 1992 г. к Конвенции о статусе беженцев 1951 г. [8] и Протоколу, касающемуся статуса беженцев 1967 г. [14], обязало законодателя к выработке и внедрению норм, регламентирующих правовой статус названной категории лиц. По этой причине основное правовое обеспечение в тот период получили две категории мигрантов – беженцы и вынужденные переселенцы. Для правового регулирования их статуса были приняты и действуют соответствующие федеральные законы. Принимались также отдельные акты подзаконного уровня в отношении трудящихся-мигрантов (например, Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2146 «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы» (утратил силу) [15], впоследствии скорректированный Указом Президента РФ от 29 апреля 1994 г. № 847 «О дополнительных мерах по упорядочению привлечения и использования в Российской Федерации иностранной рабочей силы» (утратил силу) [16]).

Согласно ст. 1 Федерального закона от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (далее – ФЗ «О беженцах») беженцем признается «лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь

вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [17].

Определение понятия «беженец», приведенное в действующей редакции федерального закона, идентично определению, сформулированному в Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г. Важно то, что в редакции Закона «О беженцах» 1993 г. [18] определение было иным, что привело к коллизии между национальным законодательством России и международно-правовым актом [13, с. 164].

Иностранным гражданам и лицам без гражданства, прибывающим в Российскую Федерацию, предоставляется возможность урегулировать свой правовой статус в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [19]. Этот закон регулирует особенности осуществления трудовой деятельности данных категорий лиц на территории России, порядок получения документов, позволяющих проживать на территории Федерации и др.

Вышеуказанные нормативные правовые акты стали главным инструментом регулирования процесса предоставления лицу статуса беженца, а также всей национальной системы защиты лиц, нуждающихся в убежище.

Из-за того что Россия столкнулась с миграцией относительно недавно (если сравнивать с другими странами), спонтанная, неуправляемая миграция оказала негативное влияние на экономические, социальные, демографические, этнокультурные и другие процессы как в стране в целом, так и в отдельных ее субъектах. Следствием таких резких изменений стал рост криминогенных очагов, неравномерность развития региональных рынков труда, угрозы безопасности приграничных субъектов России и другие неблагоприятные последствия.

Сравнительный анализ применения действующей редакции ФЗ «О беженцах» и правоприменительной практики предоставления убежища в России дал возможность выявить некоторые недостатки. Закон содержит ряд пробелов, в основном процедурного характера, не позволяющих эффективно рассматривать заявления о предоставлении статуса беженца. Некоторые его положения трудны для понимания, особенно иностранными гражданами или людьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, что создает проблемы с имплементацией.

Считается, что процедура признания статуса беженца является чрезмерно затянутой. Закон предусмотрел определенные промежуточные этапы (например, предварительное рассмотре-

ние заявления, принятие решения о предоставлении уведомления о том, что вопрос о предоставлении статуса беженца находится на рассмотрении по существу, или об отказе в рассмотрении заявления по существу), из-за которых время обработки заявки может значительно увеличиться.

В науке все чаще предлагается исключить вышеуказанные промежуточные предварительные этапы, превратив всю процедуру в одноэтапную.

В целях обеспечения безопасности лиц, нуждающихся в получении статуса беженца, убежища и т. п., была установлена важная мера в виде введения запрета на разглашение без письменного согласия информации о лицах, ищущих убежище, лицах, признанных беженцами, а также лицах, которым предоставлено временное убежище или временная защита в Российской Федерации, государственным органам, другим организациям и гражданам государства их гражданства или бывшего места жительства, средствам массовой информации, за исключением УВКБ ООН по делам беженцев, а также органов исполнительной власти Российской Федерации и других организаций, уставная деятельность которых предусматривает оказание помощи этим категориям граждан в Российской Федерации.

После получения статуса беженца лица практически всегда сталкиваются с проблемами, которые связаны в первую очередь с поиском жилья, языковыми трудностями, сложностями при трудоустройстве и др.

Согласно выводам Европейского фонда за демократию (European Endowment for Democracy) (далее – ЕФД), во Франции беженцам бывает трудно трудоустроиться главным образом потому, что их языковые способности для этого недостаточны [20].

Говоря о языковой подготовке, ЕФД акцентирует внимание на важности предоставления различных качественных языковых курсов, адаптированных к социально-культурным особенностям участников (ориентир на возраст участников, уровень образования, страну происхождения, культурные особенности и др.). К настоящему моменту существует целый комплекс программ интеграции, ориентированных на изучение языка. Они предлагаются практически в каждом городе Европы.

В Германии, например, была создана база данных, которая позволяет найти поблизости организацию языковой интеграции: предлагаются как общие интеграционные языковые курсы, так и курсы, обучающие навыкам грамотности, курсы изучения письменности, специальные курсы для детей и подростков, родителей, женщин и т. д.

Также в ФРГ беженцы – участники программы Федеральной службы волонтеров

(Bundesfreiwilligendienst) имеют возможность записаться на бесплатные курсы немецкого языка. Участникам предлагается пройти четырехнедельный интенсивный курс, который субсидируется правительством Германии [21].

В России помощью беженцам и вынужденным переселенцам занимается, например, комитет «Гражданское содействие» [22]. Это благотворительная организация, помогающая изменить отношение государства и общества к мигрантам и беженцам. Там можно быстро получить консультацию о том, что такое статус беженца и временное убежище, какова процедура обращения за ними в России; предоставляется бесплатная помощь врача-терапевта или психолога.

Комитет «Гражданское содействие» запускает в том числе бесплатные интеграционные курсы для совершеннолетних мигрантов и беженцев. Целью курсов является знакомство прибывших с русским языком и культурой, что поможет в будущем им полноценно жить, работать и учиться в России. Прежде всего это поддержка для тех, кто хочет узнать больше о стране, в которой живет, но не может позволить себе посещать платные занятия.

В Москве существует ряд специализированных интеграционных учреждений для детей, которые в большинстве случаев созданы на базе школ. Это объясняется тем, что основное место интеграции для детей и подростков – это школа, так как они общаются с одноклассниками и учителями, а языком общения является русский язык.

Для взрослого населения наиболее популярными оказываются специальные интеграционные курсы, которые созданы уже на базе нескольких гуманитарных факультетов университетов России (например, в Нижегородском государственном лингвистическом университете имени Н. А. Добролюбова, в Уральском государственном экономическом университете в Екатеринбурге или в Тихоокеанском государственном университете в Хабаровске).

Несмотря на большое количество языковых курсов, на данный момент в России очень мало интеграционных программ, направленных именно на дела повседневной жизни (например, описывающих поведение при визите к врачу или при обращении в органы власти) [23, с. 137].

Во времена, когда количество мигрантов постоянно увеличивается, создание подобных мероприятий крайне необходимо. Благодаря им в разы облегчается доступ лиц, нуждающихся в помощи, к наиболее необходимым вещам в первые дни и месяцы после прибытия в Россию.

Одним из наиболее заметных последствий притока массы беженцев является нагрузка на государственные бюджеты стран ЕС.

Например, в ФРГ в первый год прилива волны беженцев (в 2016 г.) на их нужды и помощь из федерального бюджета было израсходовано 20,1 млрд евро, в 2017 г. – 21,1 млрд, в 2018 г. – 23 млрд, в 2019 г. – 22,9 млрд, в 2020 г. – более 21 млрд евро. На прием, размещение, одежду, питание, детские нужды тратились средства в том числе из земельных, местных бюджетов, церковных фондов, благотворительных организаций. Для сравнения, расходы федерального бюджета ФРГ на здравоохранение составили в 2020 г. 15,5 млрд, а на науку и образование – 18,3 млрд евро [24, с. 86].

Вторым по важности отрицательным последствием отмечается ухудшение криминальной ситуации в государствах Европы. Вместе с беженцами в государства перебираются люди, осужденные ранее за преступления разной степени тяжести. Ухудшению криминальной обстановки способствует также незнание особенностей законодательства государства, в которое лицо прибывает.

Таким образом, беженцы, лица, ищущие убежища, и другие лица, пережившие принудительное перемещение, подвергаются воздействию законов, политики, социокультурных влияний и индивидуальных действий на каждом этапе их перемещения. Государства ЕС и Российская Федерация всячески стараются оказать помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, путем предоставления им интеграционных курсов, жилья, мест в образовательных учреждениях, содействия при сборе и подаче документов для получения статуса беженца и др.

Россия продолжает помогать миллионам граждан различных государств посредством предоставления различных видов международной защиты: выдаются разрешение на временное проживание, постоянный вид на жительство, разрешение на трудоустройство, временные убежища.

При предоставлении международной защиты лицам, ищущим убежища в Российской Федерации, все еще существуют пробелы, которые следует устранить путем внесения соответствующих поправок во внутреннее законодательство.

Немаловажную проблему составляет влияние притока беженцев на безопасность населения. Имеет место тенденция роста числа террористических актов и иных незаконных деяний, совершенных в странах, принимающих мигрантов, которые совершаются иностранцами, например, по идеологическим или религиозным мотивам.

Таким образом, можно говорить о необходимости разработки новых подходов к контролю процессов миграции населения на различных уровнях государственного регулирования в сферах культуры, образования, социальной, экономической, внешней и внутренней политики, ко-

торые будут способствовать выработке эффективных мер по своевременному реагированию на угрозы национальной безопасности.

Крупным шагом на пути совершенствования национальной миграционной политики России

явилось создание системы миграционного контроля в лице Федеральной миграционной службы России (основана в 1992 г.). Вышеуказанный орган способствует быстрому разрешению многих проблем миграционного населения, в том числе связанных с безопасностью [13, с. 162].

Список литературы

1. Волох В. А. Вынужденная миграция в современной Европе и России: состояние, проблемы, возможные пути оптимизации законодательства о беженцах // Journal of Siberian federal university. Humanities and social sciences. 2016. № 4, т. 9. С. 775–782.
2. Коновалова Е. А., Ткачук А. С. «Мигрант», «беженец»: проблема определения понятий и правового статуса в международном праве // Аллея науки. 2018. № 5 (21), т. 3. С. 847–850.
3. Лайтман В. И. Разграничение понятий «беженец» и «мигрант» в международном праве // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 5. С. 25–29.
4. Operational Data Portal. Refugee situations. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 07.02.2023).
5. Die Welt. URL: <https://www.welt.de/> (дата обращения: 07.02.2023).
6. Frontex | European Union Agency. URL: <https://frontex.europa.eu/> (дата обращения: 07.02.2023).
7. Губарева Д. А. Пределы возможностей Европы по приему беженцев // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее. 2022. Т. 2. С. 402–404.
8. Конвенция о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28.07.1951) // Бюл. международных договоров. 1993. № 9. С. 6–28.
9. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года = Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> (дата обращения: 07.02.2023).
10. Закон о предоставлении политического убежища от 26 июня 1992 года (Asylgesetz). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/asylvfg_1992/BJNR111260992.html#BJNR111260992BJNG001600311 (дата обращения: 10.02.2023).
11. Конституция Франции от 4 октября 1958 года = Constitution de la République française. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp> (дата обращения: 10.02.2023).
12. Закон об учреждении Французского управления по защите беженцев и апатридов от 25 июля 1952 года №52-893 = Loi n° 52-893 du 25 juillet 1952 relative au droit d'asile. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000314167/> (дата обращения: 10.02.2023).
13. Денисов В. В. Понятие «беженец» в законодательстве Российской Федерации и странах Западной Европы: необходимость универсализации правовой дефиниции // Московский журнал международного права. 2003. № 1. С. 162–173.
14. Протокол, касающийся статуса беженцев (подписан в г. Нью-Йорке 31.01.1967) // Бюл. международных договоров. 1993. № 9. С. 28–31.
15. О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы : указ Президента РФ от 16 дек. 1993 г. № 2146 // Рос. газ. 1993. 30 дек. (№ 240). Документ утратил силу.
16. О дополнительных мерах по упорядочению привлечения и использования в Российской Федерации иностранной рабочей силы : указ Президента РФ от 29 апр. 1994 г. № 847 // Рос. газ. 1994. 7 мая (№ 86). Документ утратил силу.
17. О беженцах : федер. закон от 19 февр. 1993 г. № 4528-1 (ред. от 14.07.2022) // Рос. газ. 1997. № 126. (3 июня).
18. О беженцах : закон РФ от 19 февр. 1993 г. № 4528-1 (недействующая редакция) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 425.
19. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Рос. газ. 2002. 31 июля. (№ 140).
20. European Endowment for democracy. URL: <https://www.democracyendowment.eu/ru/> (дата обращения: 07.02.2023).
21. Der Bundesfreiwilligendienst. URL: <https://www.bundesfreiwilligendienst.de/> (дата обращения: 10.02.2023).
22. Комитет «Гражданское содействие». URL: <https://refugee.ru/> (дата обращения: 13.02.2023).
23. Белякова К. С. Опыт языковой интеграции беженцев в Европе и его значение для российских политических и экономических иммигрантов : обзор // Язык. Культура. Коммуникация. 2018. № 21. С. 135–141.
24. Ходов Л. Г. Новая волна беженцев над Европой // Горизонты экономики. 2022. № 3 (69). С. 83–88.

Правовые основы защиты национальных языков Российской Федерации

© Морозова А. И., 2023

А. И. Морозова

Студентка 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: anastasya-morozova@inbox.ru

Научный руководитель:

И. В. Ганусенко, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: i_ganusenko@mail.ru

Аннотация. Исследуется институт защиты национальных языков в Российской Федерации. Рассматриваются основные гарантии сохранения и функционирования языков народов России. Подчеркивается необходимость разработки эффективных программ по поддержанию редких национальных языков.

Ключевые слова: национальный язык Российской Федерации, языки народов России, защита национального языка, правовой статус национального языка.

Российская Федерация – многонациональная страна со своей уникальной историей, народом и языком. Представители 193 народов, проживающих в России, используют приблизительно 277 языков (по другим данным – 295) и диалектов [1]. Главной угрозой для национальных языков является их вымирание. «За последние 50 лет Россия потеряла десять языков. Сегодня на грани исчезновения стоят 15 языков РФ, у каждого из которых осталось менее 20 носителей весьма преклонного возраста» [2]. Поэтому перед государством стоит важная задача защиты и сохранения редких национальных языков. Язык – национальное достояние страны, воплощение народа, неотделимая часть своего носителя. Без него взаимодействие общества и государства невозможно, он как ключевой элемент общения и воздействия связывает и обуславливает отношения власти и народа. Развитие языка происходит одновременно с процессом развития общества, когда носитель пользуется и сохраняет свой родной язык, изучает и гордится им.

Русский народ, состоящий из народностей и наций, объединился в исторически сложившееся многонациональное государство – Российскую Федерацию. В преамбуле Конституции РФ закрепляется многонациональный характер государства, самоопределение народа: «Мы, многонациональный народ, принимаем Конституцию, исходя из принципов равноправия и самоопределения народов» [3].

В Российской Федерации запрещены: 1) пропаганда вражды и презрения любого языка; 2) создание преград или преимуществ в использовании языков; 3) другие нарушения законодательной базы о национальном языке Российской Федерации.

На всей территории Российской Федерации действуют следующие принципы защиты национального языка:

- 1) языки народов России являются национальным достоянием Российской Федерации;
- 2) национальные языки России находятся под охраной государства;
- 3) Российская Федерация создает благоприятные условия для развития языков народа России.

Конституция РФ выступает гарантом прав национальных языков (ст. 26): каждый гражданин Российской Федерации может использовать родной язык при общении, обучении и т. д. независимо от социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания [Там же]. Законом «О языках народа Российской Федерации» охраняется равноправие национальных языков (ч. 4 ст. 2): «Никто не вправе устанавливать ограничения или привилегии при использовании того или иного языка, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ» [4].

Права наций на самоопределение существуют в различных формах: каждый народ вправе самостоятельно определить политический статус, культурное и экономическое развитие и свое существование в составе страны. Субъекты Российской Федерации могут издавать законы и иные нормативные правовые акты об охране прав граждан на самостоятельный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Равноправие наций находит свое отражение в совершенствовании культуры и улучшении родного языка. Очень важным моментом является защита конституционных прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами

Российской Федерации. Этническое происхождение гражданина не должно сказываться на реализации его прав и свобод: например, доступ к образовательной системе необходим для получения образования, этой нормой Конституции выражается принцип равенства.

В Конституции РФ (ст. 69) особое внимание уделяется правам коренных малочисленных народов [3]. Коренные народы – это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [5].

Немаловажное влияние на положение национальных языков оказывает их правовой статус – закрепление определенного положения в социальной системе, отношении государственной власти к национальному языку. В России на данный момент выделяют следующие правовые статусы: государственный (официальный) язык Российской Федерации, государственный язык республики, национальный (родной) язык, язык народа на территории его компактного проживания, местный официальный язык, рабочий язык.

В соответствии с Конституцией РФ были выработаны источники правового положения языков народов Российской Федерации. Конституция Российской Федерации гарантирует:

1) право физических лиц на беспрепятственное использование национального языка (ч. 2 ст. 26);

2) коллективные права:

– всем народам России – на защиту национального языка и обеспечение условий его функционирования (ч. 3 ст. 68);

– коренным малочисленным народам Российской Федерации – на сохранение этнокультурного и языкового многообразия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69);

3) равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от языка, устранение препятствий из-за языковой принадлежности (ч. 2 ст. 19);

4) установление статуса государственного языка страны;

– русский язык признается государственным языком РФ;

– республики РФ могут устанавливать дополнительно к русскому государственный язык своего субъекта (ч. 1 и 2 ст. 68).

Правовое положение государственных языков в России закрепляется Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» [6]. Русский язык наделяется наиболее высоким статусом как «государственный язык государствообразующего народа». Республикам РФ

разрешается дополнительно устанавливать свои языки, но это право не должно расцениваться как привилегия использования языка субъекта.

В Законе «О языках народов Российской Федерации» закреплено право субъектов РФ создавать законы и иные нормативные правовые акты об охране прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Также закон направлен на сохранение и регулирование развития языков народов РФ.

Согласно Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, такие лица имеют право пользоваться достоянием своей культуры, исповедовать свою религию и отправлять религиозные обряды, а также использовать свой язык в частной жизни и публично, свободно и без вмешательства или дискриминации в какой бы то ни было форме [7].

Российская Федерация создает благоприятные условия для сохранения самобытности народов России, которая выражается в культуре, религии, традициях и языке. В Российской Федерации на сегодня действуют большое количество нормативных правовых актов, связанных с закреплением статуса национального языка.

Так, например, Конституция Республики Бурятия гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Каждый гражданин имеет право пользоваться родным языком. Государственными языками провозглашаются бурятский и русский [8].

Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» гласит: «Язык – уникальная ценность и неотъемлемый признак нации. Каждый народ имеет суверенное право сохранить свою самобытную культуру, традиции, язык». В ст. 4 устанавливается, что «язык саха как язык коренной нации, давшей название республике, является государственным языком Республики Саха (Якутия)». Русский язык на территории Республики Саха (Якутия) является государственным языком и используется как средство межнационального общения. Эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственными языками [9].

Закрепление в Конституции РФ основополагающих принципов языков народов России устанавливает их правовой статус и поднимает вопрос о защите прав национальных меньшинств, правовых основ защиты национальных языков.

Защита национального языка является важной задачей государства. Защищая родные языки, государство сохраняет культуру, традиции и многовековую историю народа. Законода-

тельство нашей страны обеспечивает право на защиту национальных языков, а также предусматривает наказание за нарушения прав граждан, связанные с национальными языками.

В России с каждым годом все больше развивается институт конституционно-правовой защиты национальных языков. Его история берет отсчет еще с Российской империи, именно в это время начали появляться первые акты, законодательно регулирующие правовые основы закрепления и защиты языков народов Российской империи. Русский язык стал официальным государственным языком, его обязательное использование закрепилось во всех сферах. Так, например, «в княжестве Финляндском шведский, финский и русский языки закрепляли за собой статус государственных» [10].

В СССР появляются комитеты нового алфавита, они собирали сведения о языках, разрабатывали терминологию и письменность, реализовывалась политика по устранению неграмотности населения, школам разрешалось преподавать на национальном языке, для этого были созданы различные учебные пособия и на работу приглашались профессионалы. Судопроизводство дополнительно могло идти на национальном языке, вводилось право на использование в судопроизводстве переводчика. В дальнейшем происходила систематизация законодательства и разрабатывались новые законы, защищающие национальные языки.

Сегодня конституционно-правовой институт защиты национальных языков довольно самостоятелен. Базой института является способность использования родного языка гражданами Российской Федерации. Законодательство, правовой статус языка определяют содержание института. Предметом служат благоприятные условия сохранения родного языка. Первостепенная задача состоит в защите и развитии родного языка как важного элемента истории и самобытности народа.

Большое значение для развития конституционно-правового института имеет закон Российской Федерации, который закрепляет:

- основы законодательной базы национальных языков Российской Федерации;
- гарантии функционирования государственного языка Российской Федерации;
- развитие государственных языков республик;
- обеспечение сохранения благоприятных условий для сохранения языков малочисленных народов и этнических групп [4].

Институт защиты национальных языков непрерывно развивается, обеспечивая в процессе своего развития: улучшение элементов правового положения национальных языков; закрепление независимых гарантий использования родного

языка; разработку условий правового реформирования языковой среды.

С 2019 г. в России начал работу Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, учредителем которого выступили Министерство просвещения Российской Федерации и Федеральное агентство по делам национальностей. Деятельность организации направлена на поддержку изучения национальных языков страны, создание учебного материала, различных справочных пособий и словарей, а также подготовку/переподготовку преподавателей. На сегодняшний день выделяются два главных направления развития института защиты национальных языков:

- по защите коллективных прав этнических групп России в области сохранения и использования национальных языков;
- по защите индивидуальных прав граждан России на пользование родным языком.

Конституционно-правовой институт защиты учитывает глобализацию и миграцию населения, прогнозирует особенности законодательства, направленного на защиту национальных языков.

Выделяют три правовые категории защиты национальных языков РФ: юридическую, экономическую и социальную гарантию. Привлечение к ответственности физических и юридических лиц за нарушение законодательства – юридическая гарантия. Финансирование языковых программ – экономическая гарантия. Социальная гарантия связана с реализацией государственной политики. Органы государственной власти нацелены на защиту родных языков. Россия гарантирует всем жителям страны реализацию основных политических, экономических, социальных и культурных прав, т. е. на территории государства вводится запрет на притеснение личности в зависимости от знания или незнания языка.

Для создания наиболее благоприятных условий развития родных языков были созданы региональные целевые программы (например, районная программа сохранения, изучения и развития родного языка в муниципальном образовании «Сулейман-стальский район» Республики Дагестан, которая показала хорошие результаты).

Как уже отмечено выше, законодательство Российской Федерации предусматривает наказание за нарушения прав граждан, связанные с национальными языками. Как отмечает Л. Н. Васильев, «институт ответственности за нарушение законодательства в целом сформирован и является комплексным институтом, его положение находится в законодательстве» [11, с. 38].

По мнению Б. А. Кистяковского, «для соблюдения основных прав и свобод мало еще одних законов и свобод, нужны также правильные законы

об ответственности должностных лиц». Автор говорит о проблеме нераскрытого характера ответственности за нарушение языковых прав коренных народов. В законе о языках народов Российской Федерации содержатся лишь общие положения о нарушении языковых прав [12, с. 571].

В УК РФ предусматривается уголовная ответственность за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136), а также за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282) по признаку в числе прочих национальности, языка. Впрочем, в административном процессе ответственность не установлена.

В России существуют незащищенные этносы – малочисленные народы, нуждающиеся в государственных льготах, а их родные языки – в особых гарантиях защиты. Коренные этносы, находясь в русскоязычной среде, медленно теряют родные (национальные) языки. Особое внимание требуют коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, так как они меньше всего оберегались в период освоения территории. Кроме того, эти народы проживают на территориях разработки месторождений нефти и газа, что становится причиной невозможности сохранения привычных условий их жизни [13, с. 180]. Руководство страны обеспечивает защиту таких меньшинств, выделяя их в специально охраняемую группу – «коренные малочисленные народы» и признавая существование особых прав (статуса) этих народов [14, с. 4].

Анализируя российское законодательство, можно выделить основной вид защиты права на родной язык у коренных этносов – гарантия сохранения родного языка, которая обеспечивается запретом любых ограничений, дискриминации.

Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации» закрепляет права народов: на защиту и развитие родного языка; получение и использование информации на родном языке, в том числе и использование СМИ (ст. 10). Закон гарантирует самобытное социально-экономическое и

культурное развитие коренных малочисленных народов России, защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов [5].

В соответствии с п. 5 ст. 9 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» государство помогает в организации воспитания и обучения на родном языке коренных групп независимо от их числа.

Родной язык этнических групп носит ограниченный, точечный характер. Очень важно уделять особое внимание сохранению языков коренных малочисленных народов, чтобы не допустить ограничения каких-либо прав граждан.

Язык – сложный и удивительный элемент нашего государства. Для сохранения родных языков предлагается составить словари языков коренных малочисленных народов России и обеспечить ими библиотеки. В то же время принятие специальных мер по развитию этих языков ни в коем случае не должно рассматриваться как дискриминация носителей русского языка, а должно способствовать развитию негосударственных языков и достижению равенства прав носителей этих языков и остального населения. Так, в Российской Федерации издается энциклопедический словарь-справочник «Красная книга языков народов России», аналог Красной книги ЮНЕСКО по исчезающим языкам, которая включает сведения о 66 языках малочисленных народов и перспективах их существования и развития.

Таким образом, национальные языки России находятся под защитой государства. Российская Федерация разрабатывает проекты по совершенствованию гарантий защиты путем установления более жесткой системы ответственности за нарушение языковых прав. Закрепляя правовой статус языков народов России, государство охраняет наиболее уязвимые языки, регулирует социально-этнические взаимоотношения, создает наиболее благоприятные условия жизни для разных народов.

Список литературы

1. Стратегия национальной политики РФ на период до 2025 года. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/29672/> (дата обращения: 12.03.2023).
2. В России скоро исчезнут 15 языков: интервью с лингвистом РАН Ольгой Казакевич. URL: <https://news.rambler.ru/other/44656921-v-rossii-skoro-ischeznut-15-yazykov-intervyu-s-lingvistom-ran-olgoy-kazakevich/> (дата обращения: 12.03.2023).
3. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.] // Рос. газ. 2020. 4 июля.
4. О языках народов Российской Федерации : закон РФ от 25 окт. 1991 г. № 1807-1 (действ. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 12.03.2023).
5. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30 апр. 1999 г. № 82-ФЗ (в ред. от 13 июля 2020 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/?ysclid=lg69dqresi621032166 (дата обращения: 12.03.2023).
6. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (действ. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/

7. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам : принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 дек. 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml
8. Конституция Республики Бурятия (принята Верховным Советом Республики Бурятия 22 февраля 1994 года). URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_buryat/?ysclid=lg69fhm4e5637124517 (дата обращения: 12.03.2023).
9. О языках в Республике Саха (Якутия) : закон Республики Саха (Якутия) от 16 окт. 1992 г. № 1170-XII. URL: <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija>
10. Акишин М. О. Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 56–73.
11. Васильева Л. Н. Комментарий к закону Российской Федерации «О языках народов РФ». М. : Норма, 2007. 38 с.
12. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 1998. 571 с.
13. Харючи С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства / [науч. консультант Б. С. Крылов]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 180 с.
14. Кряжков В. А. Правовые проблемы коренных малочисленных народов России // Вестник Владимирского юридического института. 1994. № 6. С. 4–7.

О некоторых вопросах реализации контрольно-надзорных полномочий Федеральной антимонопольной службы

© Эпштейн Л. Р., 2023

Л. Р. Эпштейн

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: 89996857696@mail.ru

Научный руководитель:

Н. В. Колосов, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kolosovnv@mail.ru

Аннотация. Рассматривается достаточно острый и проблемный вопрос определения статуса субъекта административного правонарушения в области антимонопольной деятельности в случае, если данный субъект перестал выполнять функции должностного лица.

Ключевые слова: Федеральная антимонопольная служба, контроль, надзор, административная ответственность, административное правонарушение, должностное лицо, ретроактивность.

В настоящее время Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС России), как следует из положения о данном федеральном органе исполнительной власти, является государственным органом, основной функцией которого определен контроль и надзор за соблюдением антимонопольного законодательства [1]. Исследователи высоко оценивают деятельность ФАС России, отмечая, что данный орган является одним из наиболее активных субъектов системы государственного контроля в сфере экономики [2, с. 241].

Важная часть функций и задач ФАС России относится к контрольно-надзорной деятельности. Анализ разд. II Положения показывает, что ключевыми контрольными (надзорными) полномочиями антимонопольного органа являются:

- осуществление контроля за соблюдением всеми субъектами правоотношений, включая федеральные органы исполнительной власти, антимонопольного законодательства, а также нормативных актов, действующих в сфере регулирования цен и тарифов на товары и услуги;

- осуществление контроля в сфере функционирования естественных монополий, выявление и пресечение фактов ущемления прав потребителей продукции естественных монополий;

- осуществление контроля за инвестиционной деятельностью иностранных компаний в отношении хозяйствующих субъектов, имеющих стратегическое значение для национальной безопасности;

- осуществление контроля за соблюдением порядка ценообразования в отдельных сферах, подлежащих государственному регулированию;

- осуществление контроля за обоснованностью установления и изменения цен (тарифов) в сфере теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения;

- рассмотрение жалоб на действия должностных лиц и органов, действующих в сфере антимонопольного законодательства, а также осуществление множества иных контрольно-надзорных полномочий, непосредственно реализуемых в сфере антимонопольной деятельности, защиты конкуренции и противодействия недобросовестной конкуренции.

Наиболее объемно контрольно-надзорные полномочия ФАС России реализуются в административно-правовой сфере. Должностные лица антимонопольного органа возбуждают административные дела о нарушении антимонопольного законодательства, осуществляют производство по делам об административных правонарушениях в сфере антимонопольного законодательства.

Составы административных правонарушений, устанавливающих ответственность за нарушение антимонопольного законодательства, содержатся в различных главах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3] – 7, 9, 14, 19 и некоторых других. Большинство таких составов помещены в гл. 14. В их числе: нарушение законодательства о рекламе; действия, направленные на воспрепятствование конкуренции; злоупотребление доминирующим положением на рынке и ряд других административных правонарушений.

К административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства могут быть привлечены должностные и юридические лица. При этом достаточно актуальным видится вопрос о возможности привлечения к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства лица, которое совершило административное правонарушение, будучи в статусе должностного лица, но впоследствии утратило данный статус в силу объек-

тивных причин (увольнения, прекращения полномочий должностного лица, перевода на иную должность и т. д.).

Подобные правонарушения могут совершаться, в частности, при установлении факта ограничения конкуренции органами местного самоуправления (ст. 14.9 КоАП РФ). Диспозиция рассматриваемой статьи предполагает привлечение к ответственности должностных лиц органов публичной власти не только за действия, которые привели к ограничению конкуренции, но и за действия (бездействие), которые несут в себе потенциальную опасность ограничения конкуренции, к ее устранению или недопущению, а равно к ограничению свободы экономической деятельности.

По этому поводу существует вполне определенная позиция высшей судебной инстанции России, согласно которой лицо привлекается к административной ответственности вне зависимости от текущего правового статуса, если ранее это лицо совершило правонарушение, являясь должностным лицом.

Данная позиция изложена в Обзоре судебной практики от 6 декабря 2017 г. Верховный Суд Российской Федерации приводит пример, когда антимонопольный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к административной ответственности бывшего главы муниципального образования за нарушение требований антимонопольного законодательства.

Из материалов дела следовало, что глава города, являясь должностным лицом органа местного самоуправления, своими противоправными действиями создал условия для ограничения конкуренции и недобросовестной конкуренции, действуя в интересах юридического лица.

Арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленного требования, сославшись на то обстоятельство, что, следуя правилам ст. 14.9 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за неправомерные действия должностных лиц в сфере соблюдения антимонопольного законодательства, к административной ответственности при установлении всех признаков состава административного правонарушения может быть привлечено только должностное лицо. Суд посчитал, что недопустимо расширять толкование административно-правовой нормы и следует под должностным лицом понимать физическое лицо, имеющее данный статус в момент рассмотрения административного дела. Тогда как лицо, в отношении которого осуществляется административное производство, уже не является должностным лицом, поскольку ранее было отстранено от исполнения должностных обязанностей и уволено с муниципальной службы.

Не согласившись с таким решением, антимонопольный орган обжаловал его в арбитражном

суде вышестоящей (апелляционной) инстанции, который удовлетворил заявление о привлечении бывшего главы города к административной ответственности.

В обоснование суд апелляционной инстанции указал, что для рассматриваемого дела имеет значение административно-правовая санкция, предусмотренная ст. 14.9 КоАП РФ, а именно – дисквалификация должностного лица. Этот вид административного наказания заключается в лишении физического лица права осуществлять специально указанные в законе виды деятельности, входить в органы управления или единолично осуществлять управление юридическим лицом.

При этом дисквалификация состоит в наступлении данных неблагоприятных последствий в будущем, т. е. независимо от того, в каком статусе будет находиться физическое лицо после совершения административного правонарушения.

Руководствуясь вышеизложенным, суд заявление антимонопольного органа удовлетворил, должностное лицо привлечено к административной ответственности, ему было назначено административное наказание в виде дисквалификации [4].

Как представляется, суд первой инстанции при рассмотрении дела нарушил важнейший принцип, закрепленный в ст. 1.4 КоАП РФ, а именно – принцип равенства перед законом. Лицо, совершившее административное правонарушение, привлекается к ответственности независимо от должностного положения. Из данного правила четко следует, что значение имеет только правовой статус правонарушителя на момент совершения противоправных действий.

Соответственно, основаниями наступления административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства являются совершение виновными лицами противоправных деяний, квалифицируемых как административные правонарушения. При этом виновное лицо понимается в данном случае в широком смысле – как субъект административного правоотношения вне зависимости от его текущего правового статуса. Правовое значение имеют следующие аспекты:

1) обладание статусом должностного лица на момент совершения административного правонарушения;

2) доказанность факта совершения действий, образующих состав административного правонарушения.

Из вышеизложенного следует, что контрольно-надзорные полномочия ФАС России в административной сфере имеют ретроактивный характер, что позволяет привлекать к ответственности лиц, допустивших нарушения антимонопольного законодательства, вне зависимости от текущего правового статуса. Как представляется,

таким способом достигается реализация принципов справедливости и неотвратимости наказания в антимонопольной и административно-правовой сферах.

Список литературы

1. Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе : постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331 (ред. от 26.01.2023) // Рос. газ. 2004. № 162.
2. Грязнов С. А. Антимонопольная служба на страже справедливой конкуренции // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11-1 (69). С. 241-243.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Рос. газ. 2001. № 256.
4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : обзор судебной практики (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.12.2017) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2018. № 10.